

ДИАНА ГЭБЛДОН

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

КНИГА 2

В ПЛЕНУ
СТИХИЙ

СМОТРИТЕ
СЕРИАЛ -
ЧИТАЙТЕ
КНИГУ!

Чужестранка

Диана Гэблдон

**Путешественница.
Книга 2. В плену стихий**

«ЭКСМО»

1994

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Путешественница. Книга 2. В плену стихий / Д. Гэблдон —
«Эксмо», 1994 — (Чужестранка)

ISBN 978-5-699-87570-2

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера – любви, которой не страшны пространство и время, – завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Двадцать лет Клэр Рэндолл хранила свою тайну и надеялась, что однажды найдет способ вновь оказаться рядом с Джейми, человеком, которого все долгие годы разлуки продолжала любить. Но, воссоединившись, возлюбленным вновь предстоит пройти нелегкие испытания. Смогут ли Клэр и Джейми преодолеть все невзгоды и сохранить свое хрупкое счастье?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-87570-2

© Гэблдон Д., 1994

© Эксмо, 1994

Содержание

Часть восьмая	6
Глава 40	6
Глава 41	23
Глава 42	43
Глава 43	52
Глава 44	58
Глава 45	71
Глава 46	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Диана Гэблдон

Путешественница. Книга 2. В плену стихий

Diana Gabaldon

Voyager

Copyright © 1994 by Diana Gabaldon

© Зайцева В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

Часть восьмая

На воде

Глава 40

Я ухожу в море

– Вы сможете взять только «Артемиду».

Кузен Джейми задумчиво коснулся лба, хлопнув крышкой маленького письменного стола. Тогда, двадцать лет назад, он был уже немолод – ему было за пятьдесят, – а сейчас и все семьдесят, и все же он мало изменился: я увидела того же поджарого деятельного мужчину, каким я знала Джареда. Кажется, только волосы, поседевшие и поредевшие, потерявшие былую гладкость, выдавали его истинный возраст, да и те были собраны в хвост с помощью ленты красного шелка, так что внимание собеседника в основном привлекал курносый нос, впрочем, ничуть не портивший облика Джареда.

– Шлюпка небольшая, уместится разве человек сорок команды, но другого ничего нет – конец сезона. Когда бы «Артемиды» не нуждалась в ремонте, она бы давно уже была на Ямайке, и вы бы вообще остались ни с чем, ведь все желающие попасть в Карибское море ушли с месяц назад.

– Джаред, мне неважно, сколько человек будет в команде. – Джейми не терпелось поговорить о деле. – Получить корабль и капитана – а больше ничего не нужно.

Джаред только повел бровью на протест кузена.

– Правда не важно, кузен? Когда будешь кататься из стороны в сторону по плохонькой палубе, ты изменишь свое мнение, да будет поздно. Командный состав корабля, равно как и тоннаж, – один из важнейших показателей, поверь. Кстати, как прошло плавание? – ехидно поинтересовался Джаред.

Джейми только нахмурился в ответ. Он явно понимал, что кузен прав: не стоит выходить в открытое море, если ничего не смыслишь в кораблях, а напоминание о том, что он страдает от морской болезни, больно уязвило его. Джейми тяжело перенес переход через Ла-Манш – это небольшое морское путешествие не только далось нелегко, но заставило его буквально позеленеть. К счастью, погода сопутствовала нам, и мы быстро достигли французского берега, но побелевшие губы и темные круги под глазами Джейми указывали на то, что он до сих пор не оправился от плавания на пакетботе.

– Выдержу, – быстро проговорил он.

Казалось, Джаред не поверил его обещанию. Да и было достаточно причин усомниться в способности Джейми выдержать столь длительное плавание – нам предстояло плыть через Атлантику два или три месяца, – ведь от его физического состояния ни много ни мало зависел успех нашего предприятия, а ближайший остров, где можно будет бросить якорь, должен был появиться только ближе к концу плавания. Значит, все это время Джейми будет беспомощно барахтаться в маленькой каюте. Можно только представить, чего это будет ему стоить: если он продолжал чувствовать себя плохо шесть часов спустя после плавания, если от Инвернесса до Гавра он выглядел ужасно, да что там – если вид заякоренного корабля заставлял его зеленеть, о чем можно было говорить? Мне было боязно за него.

– Повлиять на это нельзя, значит... – Джаред, вздохнув, ободряюще улыбнулся мне: – Значит, врач всегда будет при тебе. Верно я говорю, Клэр?

– Ну разумеется. Скажи, как скоро мы сможем выйти в море? Мне нужно время, чтобы подготовить снадобья, могущие понадобится в пути.

Кузен Джейми задумался.

– Думаю, не раньше, чем через неделю. Корабль придет сюда только послезавтра – если ветер будет попутным, – он в Бильбао с итальянской медью и дублеными испанскими кожами. Команда есть, но нет капитана, который бы дал согласие плыть так далеко на исходе сезона. Впрочем, я знаю человека, который может согласиться, но он может быть в Париже, то есть прибавь еще четыре на дорогу туда и обратно. Еще день-два на пополнение запасов, на воду для бочек... Не раньше, чем через неделю.

– Сколько корабль идет до Вест-Индии? – отрывисто спросил Джейми.

Он был все так же напряжен, как и тогда, когда мы ехали в Гавр к его кузену. Это был не человек – лук, готовый немедленно выпустить стрелу, как только представится возможность. Он не хотел терять ни минуты – ведь мы и так уже упустили слишком много времени – и найти малыша Эуона как можно скорее. Я подумала о том, что пока мальчик в руках у похитителей, это нервное напряжение будет сохраняться.

– Обычно два месяца, – последовал ответ хмурившегося Джаред, – но это в сезон. Не за горами зимние шторма, так что вы попадете в Вест-Индию разве что через три месяца или даже больше. Кабы выйти на месяц раньше...

От меня не укрылось суеверное постукивание Джаред по деревянному столу. Значит, он боится сглазить нам дорогу, боится, что наше предприятие не будет удачным. И все же он не сказал, что мы можем не доплыть. Суеверный страх или простое чувство такта?

Я никак не могла отогнать от себя мысль, что корабль, увезший Эуона, мог направиться не в Вест-Индию. Наше предположение подтверждали только бумаги начальника гаврского порта, которые повезло найти Джареду. Корабль носил название «Бруха», что на испанском значило «Ведьма»... Уместное название, ничего не скажешь! За последние пять лет он был в Гавре дважды, а затем отправлялся в порт приписки – Бриджтаун, находящийся на острове Барбадос.

– Джейми, повтори еще раз свой рассказ о корабле. Ты можешь вспомнить его осадку? Как он был нагружен?

Джейми, прикрыв глаза, воскрешал в памяти фатальный корабль. Вспомнив, он кивнул кузену:

– Хорошо был нагружен, ты верно говоришь. Пушечные порты почти касались воды – они были не выше шести футов от волн.

Услышав удовлетворительный ответ, Джаред улыбнулся.

– Я был прав: он выходил из порта, отправляясь в дальнейшее путешествие. Это очень хорошо, потому как я разослал запросы в крупнейшие порты Франции, Португалии и Испании, чтобы нам предоставили сведения о том, откуда корабль начал свой путь. Таким образом мы узнаем и место отправления, и место назначения, указанное в бумагах. – Внезапно по его лицу пробежала тень. – Но если документы поддельные и это пиратский корабль, тогда мы ничего не будем знать наверняка.

Он встал, отодвинув раскладной письменный стол красивого красного дерева, ставшего еще красивее с течением времени, за которым сидел, и сказал:

– В любом случае, мы делаем все от нас зависящее. Идемте поужинаем – уже поздновато. Кузен, утром мы с тобой займемся подготовкой к путешествию, а твоя жена может колдовать над своими снадобьями.

Мы находились недалеко от дома Джаред, но поскольку в пять часов вечера здесь было уже темно, нас проводили два факельщика. Увесистые дубинки в их руках не оставляли сомнений: преуспевающим людям в Гавре лучше поостеречься и позаботиться о своей защите. Очевидно, Джаред знал о возможной опасности пребывания на пристани в темное время суток и принял необходимые меры.

Как бы то ни было, смотреть на горящие впереди факелы было приятно: они вселяли веру в успех предприятия и были тем огоньком надежды на лучшее, который подарил нам Джаред. Хотя мы были голодны и не выспались после тяжелого для Джейми перехода через Ла-Манш, а воздух был пропитан запахом сырой рыбы, настроение у нас было хорошим – мы понемногу приближались к цели.

«Бруха», по нашему мнению, была пиратским судном, и мы считали, что пиратам будет невыгодно калечить мальчика, только если они не убили его сразу. Джейми и его кузен рассудили, что Вест-Индия является в том числе и рабовладельческим рынком, и Эуона – здорового юношу – сочли бы хорошим рабом или пригодным для подневольных работ, а таких ребят продавали за двести фунтов. Это были хорошие деньги, а пираты вряд ли бы работали себе в убыток. Таким образом, узнав, в каком порту был продан в рабство мальчик, мы сможем выйти на след самих пиратов и в конце концов вернуть Эуона.

Налетевший ветер брызнул мне в лицо дождевые капли. Это остудило мой пыл: я фантазировала о том, как легко можно будет вернуть парня, стоя на французской земле, а ведь у нас пока не было даже корабля. «Артемиды» еще не вернулась из плавания, а «Бруха», возможно, тоже прибудет в Вест-Индию с задержкой: и мы, и они попадаем в полосу зимних штормов.

Дождь шел всю ночь, барабана по черепице. Странное дело: мне всегда казалось, что слушать звук стучащих по крыше дождевых капель приятно, это усыпляло и расслабляюще действовало на нервы, но не теперь. Сейчас мне казалось, что это звучит угрожающе и предупреждает нас о чем-то.

Мне не спалось. Джаред встретил нас прекрасно: ужин был вкусен, а вина – превосходны, и все же я поминутно представляла, как ветер рвет на части паруса «Артемиды» (которой, кстати, я еще не видела), а море глухо рокошет, неся смерть кораблю. Хорошо, что Джейми не было рядом – он обсуждал с кузеном детали путешествия, – иначе бы моя тревога передалась и ему, а он, без сомнения, и так переживал.

Джаред предоставлял нам свой корабль и брал на себя расходы по поиску капитана, но он настаивал, чтобы Джейми был суперкарго.

– Кем был? – изумилась я.

– Он возьмет на себя обязанности суперкарго, – понимающе улыбнулся Джаред. – Человека, который отвечает за груз. Капитан ведет корабль в пункт приписки, команда помогает ему в этом, а вот суперкарго целиком и полностью отвечает за груз – наблюдает за погрузкой и состоянием груза на корабле, следит за его сохранностью, наконец, доставляет его куда следует и разгружает. А поскольку торговый флот доставляет грузы, суперкарго – главный человек на судне. Бывают случаи, когда ради сохранности товара капитан исполняет приказы суперкарго.

Ну что ж, Джаред искренне помогал нам и тратил свои деньги на снаряжение «Артемиды» и поиск капитана, но он не отказывался заработать на этом дополнительном рейсе. Это побудило его распорядиться принять на борт в Бильбао и Гавре грузы, чтобы доставить их на Ямайку. В Шотландию «Артемиды» должна была привезти ром: Джаред имел сахарную плантацию на острове.

Но назад «Артемиды» не могла отправиться так скоро: нужно было буквально ждать у моря погоды, то есть конца апреля – начала мая, когда прекратятся шторма. По нашим расчетам, на Ямайку мы должны были попасть в феврале, а вернуться назад, в Шотландию, в мае. Таким образом, у нас было около трех месяцев, за которые мы должны были найти Эуона на Ямайке или избороздить Карибское море в поисках мальчика, если это потребуется. Мы должны были найти его за это время...

Строго говоря, отправляясь в путешествие, мы рисковали не только своей жизнью, но и имуществом, любезно предоставленным нам Джаредом. Что и говорить, потеря корабля огорчила бы его, но ведь у него была не только «Артемиды», да и к тому же мы должны были при-

везти из путешествия ром, который, несомненно, принес бы хорошую прибыль Джареду, хотя его дела и без того шли довольно успешно.

Мне не спалось – оно и неудивительно, если учесть, какие мысли вертелись в моей голове. Ворочаться в постели надоело, и я пошла к окну, предварительно завернувшись в теплое одеяло.

Ветер уже немного ослабел, и не было слышно ужасного пугающего воя в печной трубе, но его дуновения было достаточно для того, чтобы гнать по темному небу тучи, закрывавшие на время луну. Дождь, хлеставший по стеклам, все же не мог скрыть мутное небесное светило, так что я могла видеть корабли у причала. Ветер гнал воздух и паруса, но тугие якоря крепко держали суда, качавшиеся на волнах от этих разнонаправленных сил. Это было прекрасно, но еще прекраснее было осознавать, что очень скоро – уже через неделю – я сама взойду на борт и смогу ощутить дыхание морского ветра на щеках.

Когда я отправлялась в Шотландию сквозь камни, я не позволяла себе испытывать судьбу и не думала о том, как сложится моя жизнь с Джейми и что будет, если мне не удастся его найти. Впрочем, у меня в голове была одна мысль – я хочу быть с любимым, что бы мне ни пришлось сделать для этого. К счастью, судьба оказалась благосклонна ко мне, и я нашла Джейми сравнительно легко. Разумеется, я не знала, как он живет, а потому за несколько месяцев я смогла оценить прелесть перемен, перемещаясь вместе с ним по тайным тропкам Шотландии. Я была женой печатника Малькольма в Эдинбурге, где Джейми, как оказалось, вел двойную жизнь, печатая как неприятязательные литературные вещицы, так и острые политические памфлеты, спутницей контрабандиста, которую часто подозревали в распутной жизни, и поселянской, ведущей мирную жизнь в горах.

Но теперь мы вновь сжигаем за собой мосты и оставляем весь устоявшийся быт по своей воле.

Это нисколько не пугало меня, напротив – возбуждало. Я так долго сидела на одном месте, привязанная к семье и работе, не могущая себе позволить поступать по своей воле, что сейчас одна перспектива самостоятельно вершить свою судьбу кружила мне голову, а ведь я в самом деле взяла все в свои руки. Я без оглядки бросилась в бурлящий поток событий, он подхватил меня и понес навстречу неизвестности. И эта безумная и безвестная стихия несет меня до сих пор.

Пока я размышляла о предстоящем путешествии, на оконном стекле образовалось пятнышко от моего дыхания. Вспомнив былое, я начертила пальцем сердечко: так когда-то я рисовала сюрпризы для Брианны. На морозной поверхности тогда появлялось изображение сердечка, содержащего инициалы дочери В. Е. Р. – Брианна Элен Рэндолл. Будет ли она впредь называть себя Рэндолл? Или назовется по-настоящему – Фрэзер? Мгновение я раздумывала, а затем вписала в фигуру всего две буквы – «J» и «C».

Джейми застал меня у окна.

– Не спится?

– Это из-за дождя, – слегка удивилась я его вопросу.

В тревожном ночном холоде Джейми был надежной и теплой опорой, и обнимать его было вдвойне приятно.

В ответ он обнял меня, уткнувшись мне в волосы. Я почувствовала запах горящего воска и чернил, а еще от него исходил запах, характерный для перенесших морскую болезнь.

– Что-то писал?

Джейми воззрился на меня.

– Откуда ты знаешь?

– Услышала запах чернил, – пояснила я.

Джейми слегка улыбнулся, но все же растерянно взъерошил волосы.

– Вот это да, англичаночка! Этак свинья ищет трюфели, с таким-то чутьем!

– Ну спасибо. – Комплимент был вполне в стиле Джейми, поэтому я как оскорбленная сторона сочла себя вправе подвергнуть его расспросам. – Так что ты писал?

Он перестал улыбаться и насупился.

– Решил написать сестре, – бросил он, снимая плащ и развязывая галстук. – Поскольку мы уже поговорили с Джаредом и сможем вскоре начать поиски, будет нелишним известить о том, что произошло. И по чьей вине, – добавил он. – Теперь можно рассказать, что мы собираемся делать, чтобы вернуть парнишку.

Он помолчал и снял рубашку. Гримаса боли исказила его лицо.

– Представляю, в какую фурию она превратится, когда все узнает. Хорошо, что я буду далеко от дома, когда она получит эту добрую весточку от заботливого брата. – Горькая усмешка выказывала истинные его чувства – смесь ярости, сожаления и вины.

Признание, пусть и письменное, далось ему нелегко, но оно облегчило душу. Джейми уселся, все еще раздумывая, как отнесется к нему сестра после прочтения письма. Пока он разувался, я коснулась его волос, чтобы расплести их.

– Хорошо, что я написал ей, – произнес он. Видимо, содержание письма не давало ему покоя, но я поняла, в чем причина, когда Джейми пояснил: – Мне никогда еще не было так страшно. Кто бы мог подумать, что я буду бояться родной сестры.

– Выходит, ты во всем признался? Ты написал все как есть? Сказал, что Эуона похитили? – Я все же не удержалась от расспросов.

– Ну да, – пожал он плечами. – Я не мог соврать. Я никогда не вру, никому.

«Разумеется, никому, я не в счет», – мелькнуло у меня в голове. Однако я сдержалась и провела ладонью по спине Джейми, лаская его узловатые мускулы.

– А где мистер Уиллоби? – вспомнила я любовь китайца к оригинальному массажу. Мистер Уиллоби постоянно присутствовал на корабле, словно ангел-хранитель в одеждах цвета небесной лазури, зорко наблюдая за Джейми и помогая ему по мере возможности. Джаред не стал подвергать его расспросам и, казалось, ничуть не удивился, по крайней мере не выказал своего изумления ни появлением незваного гостя, ни его крохотным росточком. Мне думалось, что это оттого, что французские порты предоставляли массу возможностей познакомиться с экзотической публикой и Джаред видал всякое. Он сказал пару слов китайцу и был серьезен в общении с ним – в его тоне нельзя было заподозрить и тени иронии. Правда, экономка не была так учтива и намекала на то, что не рада видеть мистера Уиллоби в доме.

– Думаю, он спит на конюшне, ведь Матильда не пустила его ночевать, хоть и дала поужинать. Ты знаешь, она заявила, что нога язычника не ступит в дом, и даже окропила кухню святой водой.

Джейми растянулся на кровати, улыбаясь. Заметив сердечко, которое я нарисовала на окне, он вопросительно посмотрел на меня.

– Ничего особенного, я дурачилась, – ответила я.

Он взял мою ладонь и тронул большим пальцем то место, где у меня был шрам в виде буквы «J», – след, оставленный им у основания моего большого пальца перед Каллоденом. Он хотел, чтобы хоть что-то напоминало мне о нем. Джейми ошибся: я никогда не вспоминала о нем, потому что помнила его всегда.

– Англичаночка, я не спросил, хочешь ли ты пуститься в путешествие. Видишь ли, я все решил за тебя, но ты можешь остаться у Джареда, кузен будет рад. Или перебраться в Париж, он поможет. Или даже вернуться на ферму в Лаллиброх.

– Верно, ты все решил за меня, потому что знал, что я отвечу. Разумеется, ни в какой Париж или Лаллиброх я не поеду, потому что я отправляюсь с тобой в плавание.

Наша обоюдная одновременная улыбка была лучшим подтверждением того, что наши мысли и чувства совпадают. Забыв тревогу и усталость, мы улыбались друг другу, твердо зная,

что преодолеем все трудности, какие нам сулит судьба. Джейми тронул мою ладонь губами. Его рыжие волосы вспыхнули золотом в свете свечей.

Дождь хлестал по плакавшему крупными каплями стеклу, ветер не утихал, но я была уверена в успехе нашего предприятия и смогла наконец спокойно уснуть рядом с Джейми.

Утро встретило нас ярким солнцем, которое, правда, не дарило тепло. На улице царил холод, и ветер бился в стекла, но мы пока наблюдали за буйством погоды из теплых комнат. Если в Париже у дяди Джейми была роскошная резиденция, то дом Джареда в Гавре в три этажа тоже был довольно солидным зданием.

Огонь весело трещал в камине. Я писала, поставив ноги на каминную решетку. Перо выводило на бумаге латинские слова, составлявшие список необходимых вещей для аптечки. Так я была похожа на заправского старинного лекаря, соотносящего свои возможности с объективными потребностями. Одной из таких потребностей был чистый спирт – дезинфицирующее средство, без которого было не обойтись, – но она удовлетворялась очень легко: Джаред обещал доставить для нас бочонок из Парижа.

– Только учтите: если вы так и напишете, что в бочонке содержится спирт, команда быстро смекнет что к чему и выдует его еще в порту. Так что стоит подумать над содержанием этикетки.

В таких заботах, мелких и не очень, проходил день. На бумаге то и дело появлялись новые слова: «очищенный лярд», «зверобой», «чеснок» (с припиской «десять фунтов»), «тысячелистник».

«Огуречник»... Впрочем, нет, стоит написать «воловик», иначе аптекари могут не понять. Лучше употреблять более старые названия, благо я их знаю.

Нельзя сказать, чтобы я писала очень быстро, ведь нужно было хорошенько подумать, прежде чем выбрать, какое из снадобий поможет лучше других, да и я, честно говоря, подзабыла, как можно использовать то или иное средство. Впрочем, вернувшись в Бостон, я еще долго пользовалась знаниями, приобретенными таким необычным путем, и коллеги и наставники удивлялись и ужасались, видя, как я прибегаю к лечению травами, свойства которых мало изучены (а на самом деле просто забыты или вытеснены более эффективными современными лекарствами). Конечно, со временем я перестала шокировать публику экзотическими методами лечения, хотя они и приносили свои плоды, и не обрабатывала раны тысячелистником или окопником, имея под рукой раствор йода. Никакая пузырчатка не сравнится с действием пенициллина, это было ясно. Но теперь я снова была в том времени, когда медицина безуспешно боролась со многими болезнями, которые не приводят к смертельному исходу в двадцатом веке, и проигрывала в неравном поединке с системными инфекциями.

Так я записывала знакомые названия или вспоминала забытые, а когда моя рука замирала над листком бумаги, я невольно представляла цвет, вкус и запах лекарственных трав и разнообразных препаратов: березовое масло битумного цвета с приятным запахом, терпкая освежающая мята, ромашка с ее желтой сладковатой пылью, вяжущий вкус горлеца...

Джейми сидел напротив меня и писал что-то свое. Тишину нарушал только треск дров в камине и негромкие шотландские чертыханья: левая рука все еще давала о себе знать.

– В аптечке будет лимонный сок? – внезапно спросил меня Джейми.

– А зачем он нам? – удивилась я.

Он бросил взгляд на свой список и убрал волосы, упавшие на лоб.

– Обычно корабельные хирурги просят лимонный сок. Но «Артемиды» – маленькое судно, так что у нас не будет хирурга. В таких случаях запасы продовольствия пополняет эконом. Но у нас не будет и его: нет времени, да я и не знаю, к кому могу сейчас обратиться. Не могу сообразить, где найти надежного человека и как уговорить его выбраться в такую даль. Время не терпит, поэтому, судя по всему, экономом буду тоже я.

– Ну что ж, раз уж ты будешь выполнять обязанности и суперкарго, и эконома, значит, вся хозяйственная часть будет на твоих плечах. Тогда я постараюсь не ударить в грязь лицом и буду честно играть роль корабельного хирурга. А коль уж они обычно заказывают лимонный сок, делать нечего, я займусь этим.

– Хорошо, англичаночка, спасибо.

Мы так были заняты составлением своих списков – это и впрямь было необходимым условием подготовки к будущему путешествию, – что горничная Жозефина была вынуждена стучать несколько раз. Она доложила, что нас желает видеть какой-то господин, причем всем своим видом она выказывала, что вовсе не держит его за господина.

– Он не уходит, хотя дворецкий его гонит. Говорит, что ему назначена встреча. Месье Джеймс, он стоит на пороге.

– Кто там?

Жозефина скривилась еще больше, поджала губы. Носик ее сморщился. Я не стала сдерживать любопытства и выглянула в окно, но не смогла рассмотреть гостя, так как человек, стоящий внизу, низко опустил пыльную помятую шляпу черного цвета.

– Кажется, это какой-то бродячий торговец, потому что он держит сверток. – Сообщив это, я намеревалась смотреть еще и вцепилась за подоконник, но Джейми увлек меня за талию в глубь комнаты, а затем выглянул на улицу сам.

– Это пришел меняла, которого сосватал нам кузен! Зови его немедленно.

Горничная дала понять, что недовольна таким положением вещей, но не могла не выполнить приказа. В комнату вошел парень двадцати лет – долговязый и нескладный. Теперь мы смогли рассмотреть его и убедились, что вся его одежда была изрядно потрепана: он был обут в тяжелые деревянные сабо, по виду самые дешевые, чулки не держались на его ногах, равно как и штаны, которые были велики и широки, а старомодный плащ только подчеркивал бедность посетителя.

Войдя, парень вежливо обнажил голову – под шляпой оказалась ермолка. Впрочем, не только она выказывала в нем еврея: на происхождение юноши красноречиво намекала борода, а в Гавре никто не носил бород, разве что какие-нибудь моряки.

Меняла умудрился поприветствовать нас с Джейми поклоном, не отрываясь от своей торбы, которую он снимал с плеч.

– Мадам. Месье. Вы очень любезны ко мне. Я благодарен вам за радушный прием. – Локоны на его висках двигались в такт кивкам головы.

Он говорил очень быстро и напевно, отчего подчас было трудновато понять его.

Теперь понятно, почему Жозефина была недовольна: вначале китайцы-«язычники», а теперь еще и евреи. Парень был симпатичным, и, глядя в его умные голубые глаза, я не чувствовала предубеждения по отношению к нему.

– Мы благодарны тебе, – ответил Джейми. – Я, признаться, ожидал тебя несколько позже, но то, что ты справился с делами и пожаловал сюда сейчас, это очень хорошо. Я рад. Кузен говорил, что тебя зовут Мейер, верно?

Парень воодушевленно кивнул.

– Все верно. Не стоит беспокоиться: я уже был в Гавре какое-то время, так что это было несложно.

– Да ведь ты прибыл сюда из Франкфурта, а это далеко от Франции, – уважительно произнес Джейми.

Наряд Мейера лучше всяких слов показывал, что из Германии до побережья Франции лежит неблизкий и пыльный путь. Джейми оглядел непрезентабельную нескладную фигуру юноши и предложил ему вина.

Тот помялся, дернул губами, но потом молча кивнул.

Все время, пока он находился в комнате на правах странноватого, пусть и желанного, гостя, паренек смущался, но стоило ему раскрыть торбу, как он превратился из нищего в богача и из гостя в хозяина. Казалось, что может содержать заплечный мешок странствующего еврея? Помятое белье или жалкий кусок хлеба. Каково же было наше удивление, когда мы обнаружили, что в торбе находится деревянное приспособление для переноски денег! Махонькие мешочки из кожи чудом держались в гнездах рамки, и даже естественное покачивание мешка при ходьбе не могло нарушить их покоя.

Довольный Мейер откуда-то извлек кусок бархатной ткани и застелил им стол, убрав с него ненужные теперь бумаги. Что значили глупые закорючки против того, что мы увидели!

– *Aquila Severa aureus*, золотой орел Севэра¹, – указал он на маленькую золотую монету. – А это сестерций рода Кальпурниев², – приговаривал меня, выкладывая новые монеты.

Нам попался истинный знаток старинных монет: по тому, как он ловко показывал полустертые профили римских императоров, можно было судить, что он хорошо знает, о чем говорит. Удачно подобранный тон бархата – голубой – отлично оттенял блеск золота. Казалось, что этот блеск передается и глазам парня, так они сверкали. Или это от того, что в его руках были несметные богатства?

– Когда мы говорили с месье Фрэзером, он настаивал на том, чтобы я показал как можно больше старинных, раритетных монет, преимущественно греко-римской эпохи. Но вы понимаете, долгая дорога, слишком опасно... Я взял не все, остальная часть во Франкфурте. Если месье хочет, я могу послать за ними.

Джейми потрянул кудрями.

– Нет, мистер Мейер, мы не располагаем временем...

– Месье Фрэзер, зовите меня просто Мейер. – В вежливом голосе парня послышались настойчивые нотки.

– Хорошо, Мейер. Надеюсь, что мой кузен, с которым ты говорил, сказал, какую цель я преследую, вызывая тебя сюда. Мне не нужны монеты, то есть я не собираюсь их покупать, – поправился Джейми. – Но расходы на дорогу я оплачу, – добавил он, видя, как Мейер поднимает брови.

Джейми прищурился и посмотрел на лежащие на бархате сокровища.

– Видишь ли, мне необходимо сравнить то, что ты принес, с тем, что я некогда видел. Думаю, кое-что должно совпасть, и надеюсь, что ты расскажешь мне о некоторых образцах. Как и о том, кто мог покупать подобные вещи лет двадцать назад. Также я рассчитываю на то, что кто-либо из твоих родных или знакомых знает покупателей таких нумизматических редкостей.

Мейер молча глазел на говорившего, пребывая в изумлении. Тогда Джейми улыбнулся и попытался снять воцарившееся было напряжение:

– Я хочу слишком многого, не правда ли? Но Джаред, мой кузен, с которым ты имел разговор, говорил, что ваша семья разбирается в монетах лучше всех, а ведь сегодня такое знание – редкость. Поэтому я обратился к тебе в надежде, что ты оправдаешь рекомендации, данные моим кузеном. А если еще и сможешь подсказать, кто занимается подобными вещами в Вест-Индии, то я буду весьма признателен тебе.

Мейер продолжал молчать, но его глаза заинтересованно блеснули. Он сдержанно погладил свою торбу, склонив голову, отчего гагатовые бусины на его ермолке наполнились солнечным светом. Наконец он заговорил, взвешивая слова:

– Двадцать лет назад подобными вещами занимались мой отец и дядя. Я, конечно, не могу знать досконально, чем именно они торговали, но свод торговых операций тех лет при

¹ Севэр, Александр Марк Аврелий (208–235) – римский император.

² Кальпурнии – древнеримский плебейский род.

мне. Там указаны заключенные сделки и приведен каталог монет, которые мы приобрели или продали в течение последних тридцати лет. Думаю, что не обману ваши ожидания.

Парень потянул за уголок бархата, и перед Джейми оказалась вся коллекция монет.

– Видите ли вы здесь то, что вы видели ранее? Какие-то монеты совпадают?

Джейми сосредоточенно всматривался, а затем указал на серебряную вещицу, своими размерами напоминавшую мне американский двадцатипятицентовик. В центре монеты был изображен колесничий, а по ободу чеканка изображала трех дельфинов в прыжке.

– Эта совпадает. Их было несколько, какие-то даже немножко отличались от этой, но на всех были дельфины, я точно помню.

Немного погодя он стал перебирать монеты. Так в его руках оказались золотник и серебряник, причем первый почти весь истерся и профиль на нем был неразличим, а на серебряной монете были отчеканены хорошо видные анфас и профиль.

– Четырнадцать золотых и десять таких, – Джейми указал на серебряники.

– Десять таких! – Мейер округлил голубые глаза. – Не верится, что в Европе их так много.

Джейми подтвердил:

– Их точно было десять, я держал их в руках.

Молодой еврей коснулся монеты:

– Две головы Александра Македонского – редкость. Это тетрадрахма. Отчеканена в честь битвы при Амфиполисе. На поле битвы затем основали город.

Джейми слушал улыбаясь: разумеется, он не мог ничего знать ни об этой монете «с двумя головами», ни о какой-либо другой, но его забавляла страсть, вспыхивавшая в глазах юноши, когда он рассказывал о своих раритетах, и заставлявшая его почтенно склонять голову перед Джейми, видевшим воочию несметные богатства. Люди, страстно увлеченные своим делом, всегда были уважаемы шотландцем, а молодой человек выказывал редкую осведомленность в своем нелегком деле. Через четверть часа коллекция была наконец сформирована: ее составили четыре греческие драхмы, пара небольших золотников и тяжелый римский квинтинрий и серебряные монеты.

Когда возникла необходимость свериться с каталогом, Мейер достал из своей торбы рулон, перевязанный лентой. Листы оказались каталогом; убористое еврейское письмо содержало свидетельства о том, кто и когда купил ту или иную монету. Какое-то время парень сосредоточенно изучал надписи, а затем, по-птичьему склонив голову набок, взглянул на Джейми.

– Месье, сведения, которые я предоставляю вам, строго конфиденциальны. По этой причине я не имею права сообщать вам, кто именно купил монету. Но я могу сказать, что это за вещь и когда она была продана, если вас это устроит.

Помолчав, он произнес:

– То, что я услышал, заставляет меня предположить, что в виденной вами коллекции было около шести золотых рода Кальпурниев. Я также уверен в том, что вы видели три драхмы, две монеты, на которых изображен профиль Гелиогабала³, а одна из них содержит к тому же и изображение Александра. Мы продали эти монеты – или монеты, подобные этим, – в тысяча семьсот сорок пятом году.

Мейер умолк и задумался.

– По моему обыкновению и в силу вышеуказанных причин я не предоставляю других сведений тем, кто хочет что-либо узнать о покупателях монет. Но этот случай особый, поскольку покупателя нет в живых уже несколько лет. Думаю, что я могу...

Мейер вскинул плечо и решительно проговорил:

– Их купил англичанин, Кларенс Мэрилбоун, герцог Сандрингем.

³ Гелиогабал (Элагабал) – прозвище римского императора Марка Аврелия Антонина (203–222), которое он получил как верховный жрец бога солнца Элагабала.

– Герцог Сандрингем! – вырвалось у меня.

Парень выжидающе взглянул на меня, но я молчала. Лицо Джейми тоже было непроницаемо: вежливый интерес, но не более.

– Именно, мадам, герцог Сандрингем. Нам стало известно о его смерти, поскольку его обширной коллекцией монет теперь владеет наш род: наследники герцога в тысяча семьсот сорок шестом году продали ее моему дяде, о чем есть соответствующая запись в этом каталоге.

Говоря последние слова, меняла взял бумагу за уголок, приподнял ее, словно демонстрируя ценность каталога, и отпустил. Тот с негромким стуком упал на стол.

Мне было известно о смерти герцога, ведь Мурта, крестный Джейми, темной мартовской ночью убил его. Это произошло в тысяча семьсот сорок шестом году, еще до Каллодена. Когда я видела глаза Сандрингема в последний раз, они выражали крайнюю степень удивления.

Мейер наблюдал за нами.

– Еще я должен сообщить, что не помню тетрадрахм из коллекции. Очевидно, когда дядя приобрел монеты, их там не было.

– Да уж наверняка не было, – протянул Джейми.

Он спохватился и принял официальный тон, давая понять, что больше не нуждается в услугах менялы.

– Спасибо тебе, Мейер. – Джейми потянулся за бокалами. – Предлагаю выпить за твою смышленную голову и эту полезную вещь, – кивнул он на каталог.

В качестве благодарности Мейеру был вручен мешочек с серебряными ливрами, который, разумеется, не мог пополнить коллекцию редкостей, однако вполне успешно мог способствовать поправлению финансовых дел молодого еврея. Впрочем, я была уверена, что неказистую шляпу и жалкую одежду юноша носит не от бедности.

– Мадам, всего хорошего.

– Тебе тоже, мальчик. – Я помялась, но все же спросила: – У тебя нет других имен, только это?

Едва заметная искорка уважения и интереса мелькнула в его глазах, но тут же скрылась. Взмахивая мешок на спину, он сдержанно отозвался:

– Видите ли, мадам, во Франкфурте нам нельзя использовать родовые имена. – Кривая ухмылка сопровождала это известие. – Когда-то на фасаде дома, где мы живем, был изображен красный щит, так что соседи прозвали нас в его честь. А так у меня нет других имен, – резко закончил он.

За юношей пришла Жозефина. Показывая ему выход, она шла впереди, но было заметно, что она всячески желает избавиться от провожатого как можно быстрее: горничная спешила, и ноздри ее раздувались. Мейер, напротив, шел медленно, но исключительно потому, что сабо скользили по полу.

Джейми углубился в свои мысли: на это указывал его отсутствующий взгляд.

Дверь закрылась, и стук сабо донесся уже с улицы – значит, парень ушел. Интересно, куда лежали его стопы?

Звуки выдернули Джейми из раздумья, и он посмотрел в окно.

– Всего хорошего, Мейер Красный Щит, – напутствовал Джейми юношу, который, конечно, уже не мог слышать пожелания доброго пути.

Мысль, неожиданно пришедшая мне в голову, заставила меня вздрогнуть.

– Джейми... ты знаешь немецкий?

– В какой-то мере. Ну да.

Ответ был скомкан, оттого что шотландец смотрел в окно, наверное, тоже пытаюсь угадать, куда еще отправится этот смелый паренек, только что ушедший от нас.

– Как немцы говорят о красных щитах? Как сказать «красный щит»? – уточнила я.

Джейми посмотрел на меня и просто ответил:

– Ротшильд. А какое это имеет значение?

– Да, в общем, никакого, так, подумалось. – Мой взгляд упал на брусчатку, по которой уже отстучали башмаки юного еврея. – Думаю, что удача будет сопутствовать ему.

Сам собой вспомнился мотив песенки, и я запела:

– «Пятнадцать человек на сундук мертвеца. Йо-хо-хо, и бутылка рома!»

Джейми заинтересованно покосился в мою сторону.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Всего лишь то, что герцог мертв. И что до содержимого его сундука много охотников. Мне кажется, что тюлений остров был в его собственности. Согласен?

– Не могу согласиться целиком и полностью, потому что не знаю, так ли это, но очень похоже на то, – улыбнулся он.

Джейми стучал по столу негнущимися пальцами, приговаривая:

– Джаред вывел меня на Мейера, тогда-то я и подумал, что стоит узнать поподробнее о монетах, потому что «Бруха» должна была забрать клад, и посылавший ее с большой долей вероятности и был тем, кто этот клад спрятал, – последние слова он произнес нараспев.

– Похоже на то, – отозвалась я, – да только если сокровища спрятал герцог, он физически не мог посылать за ними «Бруху». По моим прикидкам, клад можно оценить тысяч в пятьдесят.

Джейми смотрел на свое отражение в пузатом графинчике и не удержался от искушения пропустить стаканчик. Оно и понятно: вино лучше ощущать в желудке, чем созерцать его в графине.

– Монеты нетяжелые. Там нет пятидесяти тысяч. Но ты видела цены, по которым еврей сбывал их?

– Ну да, а что?

– Тысяча фунтов стерлингов за какую-то старинную дрянь! Да она же в плесени! – бурно возмущался Джейми.

– Твое изумление понятно, но ведь и монеты не дрянь, хотя и старинные. – Видя, что он хочет продолжить обсуждение ценности раритетов из коллекции Ротшильдов, я махнула рукой, как бы отменяя возможность дальнейших расспросов. – Главное сейчас другое: могло ли сокровище, спрятанное на острове тюленей, быть теми пятьюдесятью тысячами фунтов, обещанными Стюартам?

В тысяча семьсот сорок четвертом году Карл Стюарт был во Франции. Целью его визита была встреча с Людовиком, его царственным кузеном, который мог оказать поддержку Стюарту. Тогда-то герцог Сандрингем и отправил Карлу зашифрованное письмо, в котором предлагал предоставить в его распоряжение пятьдесят тысяч фунтов, которых бы хватило на снаряжение – или наем – небольшого войска для вторжения в Англию. Таким образом, герцог предлагал профинансировать восстание с целью возвращения трона предков.

Возможно, именно это предложение побудило принца совершить поход на Англию, окончившийся, к сожалению, плачевно. Но нельзя сбрасывать со счетов и другие факторы, не менее маловажные, которые были бы второстепенными в других случаях, но не в случае с принцем, как-то пьяный спор или подначка возлюбленной, пославшей в Шотландию всего шесть союзников, но две тысячи голландских палашей и бочонки бренди для горцев.

Но дело в том, что герцог умер раньше, чем Карл Стюарт вернулся в Англию. Загадка этих денег не мучила меня: что, если принц смог бы использовать эти деньги по назначению?

Полученный клад мог бы изменить ход истории. Восстание якобитов могло бы окончиться успешно. Не было бы Каллодена. Я не вернулась бы в свое время... и умерла бы при родах, а Брианна тогда же или впоследствии. Но что толку задавать глупые вопросы и кому задавать их? Какие «бы», какие «если», когда все пошло по-другому.

Джейми тер переносицу.

– Может быть. Правда, если бы от сокровища спешно избавлялись, продавец получил бы меньшую сумму, чем настоящая стоимость клада, но при наличии достаточного для поиска хорошего покупателя времени продавец имел бы пятьдесят тысяч, это вполне возможно.

– Дункан Керр был якобит?

Джейми насупился и кивнул.

– Да. Я понимаю, что ты хочешь сказать... Впрочем, командующему неловко иметь при себе такие суммы.

– Но ведь монеты и камни очень удобны в плане перевозки: они немного весят и их удобно прятать, не так ли? Герцог, изменник для британской короны, сговаривался со Стюартами! Значит, он был заинтересован в том, чтобы передать ценности незаметно, производя минимум действий. Как бы он переправлял пятьдесят тысяч, а? Неужели экипажем – и не одним – с конвоирами? Золото довольно тяжелое, транспортировка ящиков неизбежно привлекала бы внимание. В отличие от одинокого путешественника, перебирающегося через Ламанш с мешочком у пояса.

Джейми кивнул, давая понять, чтобы я дала ему слово, – он согласен с ходом моей мысли и продолжит за меня.

– Если ты собираешь такие штуки, никто или почти никто не будет интересоваться, когда ты приобрел ту или иную вещь. Тем более у кого. Непосвященный не поймет, сколько стоит камушек на самом деле, так что способ очень удобен. – Он блеснул глазами и продолжал, вдохновляясь своими словами и прикидывая, как бы сам поступил на месте героев рассказа. – Настоящие ценности можно при первом удобном случае отправить за море, чтобы не мозолили здесь глаза, и подменить их. Банкиры ни при чем, платежных обязательств нет, никто ни о чем не знает... Черт возьми, англичаночка, это отличный план!

Вскрикнув от восхищения, Джейми призадумался и продолжил размышлять вслух.

– Хорошо, тогда отчего же Дункан пришел десять лет спустя после Каллодена? Хотел ли он оставить клад на острове или забрать?

– И кто хочет забрать его сейчас? – подхватила я.

– Да. Кто хочет? Черт побери, если мне это известно, – раздосадованно протянул он. – Может, у герцога были сообщники? Пусть так, мы все равно не можем точно установить, с кем имеем дело.

Джейми встал, потягиваясь. Я отметила, что он привычно определяет время по высоте солнца – он делал так всегда и везде, будь то город, где можно видеть часы на башне, или деревня.

– Как бы то ни было, за два месяца мы сможем что-нибудь придумать. Или хотя бы подумать о том, кто это может быть. А сейчас почти полдень, а дилижанс на Париж отходит в три.

На улице де Варенн уже не было аптеки. Там расположились сразу три заведения – таверна, ломбард и лавка ювелира.

– Мадам, вы спрашиваете о мэтре Раймоне? – Брови ростовщика сошлись на переносице. Он смотрел так недоверчиво, что я невольно поежилась и уже не надеялась услышать сколько-нибудь приличный ответ. – Вот уже несколько лет, как он здесь не появляется. Поскольку вы ищете аптекаря, то я могу посоветовать вам обратиться к тем, кого знаю лично: это Краснер, чье заведение размещается на площади Алоэ, мадам Веррю, которая близ Тюильри...

Все время, пока говорил, он не спускал глаз с мистера Уиллоби, стоящего подле меня. Наконец ростовщик не выдержал и тихонько проговорил:

– Коли вы хотите продать китайца, я помогу вам: имею клиента, влюбленного в Восток. Он заплатит вам очень хорошие деньги, а я возьму себе небольшой процент, вам не придется искать себе помощника в таком щекотливом деле.

Сам мистер Уиллоби, о котором шла речь, не мог понять, что мы говорим о нем, ведь он не знал французского, но, видимо, у ростовщика ему не понравилось: высокий фарфоровый

кувшин с узким горлышком, расписанный в китайском стиле, привлек его внимание и заставил скривиться при виде фазанов, изображенных на нем.

– Нет, благодарю. Я пока не намерена продавать его, – мягко отказалась я от сомнительных услуг назойливого старика. – Воспользуюсь вашими рекомендациями и обращусь к Краснеру.

Отношение парижан к мистеру Уиллоби отличалось от того отношения, которое он встретил в Гавре, по той простой причине, что его одеяние голубого шелка привлекало внимание зевак. К тому же одежда китайца подозрительно походила на пижаму, поверх которой был надет стеганный жакет, а длинная коса была несколько раз обернута вокруг головы. В аптеке мистер Уиллоби показал, на что он способен, поразив мое воображение знаниями из сферы медицины.

– Бай ей ай, – назвал он по-своему горчичные семена, помещавшиеся в коробке в лавке Краснера. – Это для почка, шеен-йен.

– Да. Но откуда тебе это известно? – изумилась я.

Несколько наклонов головы, которые он произвел из стороны в сторону, дали понять, что он рад и горд оттого, что смог показать свои знания в деле.

– Моя знать много лекарей. Было время. – Указывая на корзинку с какими-то непонятными шариками, похожими на комки грязи, он перевел разговор на другое: – Это есть шун-ю. Ваша купить, потому что это чистить кровь очень хорошо. Хорошо для печень, для глаза. Нет сухая кожа.

В корзинке оказались куски сушеного угря, обмазанные глиной и таким образом сформировавшие шарики. Аптекарь просил сдельную цену, и я положила эти подозрительные вещицы в свою корзинку, где уже лежали приобретенные мной снадобья.

Хотя начался декабрь, на улице было довольно тепло, и на улицах города было шумно и оживленно. Под ярким зимним солнцем толпились люди, желавшие заработать различными способами: попрошайки, торговцы, продавщицы, проститутки. Было и множество гуляк, радовавшихся временному потеплению и пользовавшихся моментом, чтобы поглазеть на Париж.

Проходя угол Северной улицы и Утиной аллеи, я заметила необычную фигуру – высокого человека с покатыми плечами, одетого в черный сюртук и круглую черную же шляпу.

– Мистер Кэмпбелл! Преподобный!

Заслышав, что его зовут, преподобный остановился, обернулся и снял шляпу в приветственном жесте, узнав меня.

– Миссис Малкольм, рад вас видеть.

Присутствие мистера Уиллоби заставило его прищуриться и заметно охладеть.

– Прошу, знакомьтесь – мистер Уиллоби. Это... сотрудник моего мужа. А это преподобный Арчибальд Кэмпбелл, – попыталась снять напряженность я, но мне это не удалось.

Преподобный всегда отличался строгостью нравов, да и его взгляд и внешность внушали трепет, но теперь он так скривился и поджал губы, что явно не раз пожалел о нашей встрече. Никакой радости он уже не чувствовал и имел такой вид, будто ему предложили угоститься проволокой.

– Вы ведь хотели отправиться в Вест-Индию, не так ли? – я отвлекла его внимание от китайца.

На этот раз мне удалось завладеть его вниманием.

– Спасибо, миссис. Благодарю, что вы помните. Я действительно не отказываюсь от своего намерения и покидаю Эдинбург в четверг, но прежде мне нужно кончить неотложное дело во Франции.

– Как здоровье вашей сестры?

Преподобный покосился на китайца, словно не мог свободно говорить в его присутствии, отступил на шаг и понизил голос:

– Много лучше, много лучше, спасибо. То, что вы посоветовали принимать, помогло, теперь она ведет себя спокойнее и даже может уснуть. Сердечно благодарю за участие.

– Что ж, я рада, что смогла помочь. Смею надеяться, что вы удачно доберетесь до Вест-Индии.

Расстались мы тепло и сердечно, насколько это было возможно, учитывая характер мистера Кэмпбелла. Идя по Северной улице к дому, где жил Джаред, мистер Уиллоби уточнил:

– «Преподобный» – это очень благо-чесивый человек?

Китаец, как и многие выходцы с Востока, не всегда произносил звук «т». Слово «благо-чесивый» в его устах приобрело ироничное звучание, и я решила узнать, почему его заинтересовала фигура преподобного.

На это мистер Уиллоби ответил ухмылкой и убежденно произнес:

– Этот малый не благо-чесивая, совсем нет.

– Почему же? Ты что-то знаешь о нем?

Китаец лукаво взглянул на меня и выпалил:

– Моя видеть этот малый у мадам Жанна. Там она тихо-тихо, здесь, о, здесь громко. Очень, очень благо-чесивая!

Китаец разразился смехом, а я обернулась было в сторону мистера Кэмпбелла, но его и след простыл.

– Он ходить к проститутки, да, – резюмировал мистер Уиллоби и для наглядности произвел несколько движений в области своего паха.

– Может быть. Значит, и служители Шотландской свободной церкви бывают слабы плотью.

Во время ужина я оповестила, что видела пастора: я сочла это происшествие заслуживающим внимания, правда, не сказала о подробностях его личной жизни, которые передал мне китаец.

– Стоило бы узнать, куда именно он хочет попасть, а то Вест-Индия большая, – сообразила я задним числом. – Конечно, мистер Кэмпбелл не из тех людей, которых хочется видеть каждый день, но в Вест-Индии у нас не будет никого, к кому можно было бы обратиться за помощью в случае неприятностей. Лучше, если это будет он, а не вовсе чужой человек.

Джаред молча слушал, так как был занят жарким из телятины, макая его в винный соус, но когда прожевал, сообщил:

– Не волнуйтесь, у меня есть знакомые в тех краях. Джейми получил от меня внушительную стопку рекомендательных писем к людям, могущим быть полезными.

После этого обнадеживающего известия Джаред продолжил есть, глядя на Джейми, словно решая что-то, а после непринужденно проговорил:

– Кузен... мы встречались на равнине.

Джейми испытующе посмотрел в глаза Джареду и ответил:

– И расстались на площади.

Кузен отреагировал на это широкой улыбкой. Пока я недоумевала, он принялся расспрашивать Джейми:

– Тогда о верных людях и вовсе не стоит беспокоиться! У меня было такое подозрение, но я решил проверить, как видишь. В таком долгом путешествии их помощь точно пригодится. Кто тебя посвятил?

– Это произошло в тюрьме. Приняли в Инвернесскую ложу, впрочем, это и так понятно в какую.

Джаред выказал свое удовлетворение кивком.

– Отлично. В тех местах ложи находятся на Ямайке и Барбадосе, самая большая – на острове Тринидад. Там около двух тысяч членов. Письма к мастерам я заготовил, но тебе стоит обратиться лично к тринидадцам: они всегда в курсе того, что происходит на острове.

– Может, вы посвятите и меня в свои секреты? – обратилась я к мужчинам. – О каких ложах вы говорите?

– О ложах вольных каменщиков, – одарил меня улыбкой Джейми.

– Вот это да! Так ты масон? Почему я об этом не знаю?

– Потому что об этом не говорят вслух, – оборвал меня Джаред. – Вольные каменщики проводят свои встречи и обряды втайне от всех. Если бы кузен не был одним из нас, не видеть бы ему писем к тринидадцам.

Обсудив масонские тайны, мужчины принялись говорить о том, что нужно взять с собой на «Артемиду» из провизии, и я могла бы присоединиться к их разговору, но предпочла слушать. То, что Джейми является членом масонской ложи, таинственного ордена, о котором до сих пор ходят разнообразные слухи, заставило меня задуматься о том, что я почти не знаю своего мужа. Раньше я знала о нем все, но не теперь.

Сейчас мы, конечно, говорили откровенно, хотя во время разговора о Брианне мне пришлось нелегко. После ночи любви я засыпала на его плече, зная, что мысли моего мужа понятны для меня.

Однако же очень часто взгляд Джейми был направлен туда, в прошлое, и я чувствовала себя лишней, ничего не знающей об этом рослом рыжем человеке. Слишком много времени прошло со времени нашего расставания, и слишком много событий имели место, чтобы нам было легко и просто вместе. Мы оба понимали это, но в такие моменты мне казалось, что почва уходит у меня из-под ног.

В ответ на мои тяжелые мысли Джейми прижал мою ногу под столом и слегка улыбнулся мне, поднимая бокал, напоминая мне тем самым о брачной ночи. Тогда мы были совсем чужими и отчаянно боялись друг друга, спасаясь от самих себя вином. Тогда между нами не было ничего, кроме брачного контракта. Мы обещали быть честными друг с другом и сдержали свое обещание.

– Кое-что ты, возможно, никогда мне не расскажешь, потому что не сможешь или не доверишь, я понимаю это. Но то, чем ты решишься поделиться со мной... пускай это не будет ложью. Если не можешь – не рассказывай ничего. Мы уважаем друг друга – пока только это, – а это значит, что можем иметь личные секреты, но никак не лгать друг другу.

Вспоминая это, я отпила вина и почувствовала, как теплая волна алкоголя прокатывается по моему телу. Джаред еще говорил о галетах и свечах, но Джейми смотрел только на меня, сильнее прижимая мою ногу.

– Утром, кузен, – ответил он на какой-то необязательный вопрос. – Лучше я разберусь с этим утром: днем было слишком много всего.

Встав, он отодвинул стул и спросил меня:

– Англичаночка, ты со мной?

Глупая условность! Ну разумеется. Вино грело меня изнутри, дополняя мое возбуждение. Мы снова понимали друг друга с полуслова, а существовавшее уважение давало простор для любых маневров, не связанных с ложью.

Утром следующего дня Джейми, кузен и китаец занимались своими делами, а я отправилась заниматься своим, для которого мне не требовались свидетели. Мне хотелось встретить людей, много значивших для меня в Париже лет двадцать назад, но одного из них, мэтра Раймона, оказывается, уже не было в живых. Что же до второй особы, то я не была уверена, жива ли она, найдется ли у нее время, захочет ли она меня видеть, но проверить стоило, ибо я увижу ее в последний раз, если увижу. В предвкушении встречи я приказала кучеру Джареда отвезти меня в больницу, поэтически называвшуюся «Обитель ангелов».

Я стояла на кладбище, где покоились монахини из женского монастыря. Собор высился над этим последним убежищем верующих женщин, хмурые облака бежали по небу, гонимые ветром. Известняковые плиты ясно виднелись в волглом тумане, и толстые стены, отделяв-

шие кладбище от остального мира, надежно укрывали от сырости, тянущейся с Сены. Многие камни поросли мягким мхом, скрашивающим печальную обитель и отвлекающим внимание от голых ветвей деревьев, которые пронзительно напоминали о бренности человеческого существования.

Надгробие, у подножия которого я стояла, было сделано из белого мрамора. На нем были высечены херувимские крылья, а надпись гласила: «Вера».

Я глядела долго, чувствуя, как на глаза набегают слезы, затем положила к подножию цветок, розовый тюльпан – редкость для зимнего Парижа. Джаред имел свою оранжерею, так что достать этот нежный цветок, мягкие лепестки которого похожи на щечки младенчика, не составило труда.

Почувствовав на своей голове ладонь матушки Хильдегард – я узнала ее сразу, даже не оборачиваясь, – я призналась, что не думала плакать, но не смогла справиться со своими чувствами.

– Le Bon Dieu держит в руке своей судьбы человеческие и распоряжается ими так, как считает нужным. Но обычно Он не объясняет нам свои решения, поэтому мы часто ропщем на Него. – Матушка, как и все французы, называла Бога Добрым Господом.

Я тяжело вздохнула, понимая, что эта встреча все равно подняла во мне бурю чувств, как бы я ни готовилась к ней, и утерлась краем плаща. Встретившись глазами с монахиней, я увидела, что она смотрит сочувственно и в то же время с интересом. Неудивительно: мы так давно не виделись...

– Знаешь, дитя мое, я заметила удивительную вещь: сколько бы времени ни прошло, мать всегда будет считать ребенка именно ребенком, сколько бы лет ему ни было. Мать помнит его при рождении, помнит его первые слова и шаги, может воскресить в памяти любое событие, связанное с дитятей, поэтому даже когда ее ребенок имеет своих детей, ее отношение к нему не меняется и остается материнским, – задумчиво произнесла монахиня. – Для матерей времени не существует.

– Вы правы, матушка. Особенно если дитя спит. Тогда его всегда можно увидеть совсем маленьким, – проговорила я, взглядывая на надгробие, белевшее в тумане.

– Да, дитя мое. Но ты выглядишь и ведешь себя так, будто у тебя есть другие дети.

– Да, девочка. Она уже взрослая. Но, матушка, ведь вы монахиня... откуда вы столько знаете об этом?

Я натолкнулась на пронизательный взгляд маленьких черных глаз. Соболиные брови, когда-то черные, теперь поредели и вконец поседели.

– Я уже в таком возрасте, когда по ночам трудно уснуть. Временами я общаюсь ночью с больными, – уклончиво ответила она.

Я отмечала изменения, которым подверглась мощная фигура матушки. Она, подобно многим старухам, усохла и стала более шуплой, так что знавшие ее раньше не смогли бы сказать, что эта старая монахиня некогда была широкоплечей красавицей. Но и теперь, состарившись и изменившись, она не потеряла бывшего величия и возвышалась над другими, пугая и в то же время внушая уважение. С удивлением увидев посох в ее руках, я быстро сообразила, что он служит для других целей, нежели помощь при ходьбе – матушка, как и прежде, ступала решительно и так быстро, насколько позволял возраст, – в частности для вразумления лентяев и бездельников.

Оставив могилку Веры и проходя с матушкой по кладбищу, я увидела, что большие камни перемежаются маленькими. Неужели это...

– Да, здесь похоронены дети монахинь, – без тени смущения подтвердила мать Хильдегард.

Наверное, я так вытаращила глаза, что монахиня пожала плечами, сохраняя спокойствие и достоинство.

– Здесь нет ничего ужасного. Такое бывает, хоть и нечасто.

Подняв посох, она указала на могилы, которые были перед нами, а затем обвела и другие, очертив таким образом в воздухе подобие круга.

– Здесь покоятся сестры, благодетели больницы и те, кого они любили.

– Кто, благодетели? Или все-таки сестры?

– Сестры, конечно. Ты, олух!

Последний возглас относился к санитару, курившему трубку у стены собора. Праздность никогда не поощрялась ни матушкой, ни церковниками, поэтому лентяя ждал разнос, причем мать Хильдегард выговаривала ему на изысканном французском, каким говаривали во времена ее юности.

Я отошла в сторону и принялась озирать кладбище. Освященная земля заканчивалась у дальней стены, но небольшие таблички из камня располагались на освященной территории. Их было ровным счетом пятнадцать, каждая содержала порядковый номер, обозначенный римской цифрой, и одно имя – «Бутон». Это были могилки песиков, любимых пуделей матушки Хильдегард. При ней неотлучно находился очередной носитель этого имени, шестнадцатая собачка, которой тоже предстояло упокоиться на кладбище рядом со своими предшественниками. Этот угольно-черный кудрявый Бутон сидел и молча наблюдал, как хозяйка ругает нерадивого работника, и хлопал круглыми глазенками.

Сестры и те, кого они любили.

Когда монахиня кончила выговаривать санитару, она снова обернулась ко мне. Я увидела, как сердитое выражение ее лица меняется на приветливое, и мне показалось, что это красиво.

– Как хорошо, что ты здесь, *ma chère*. Пойдем-ка, я поищу то, что может тебе пригодиться в дальней дороге, – пригласила она меня.

Посох она определила на руку, а меня взяла под локоть, чтобы опираться. Ощущая тепло ее костлявых пальцев, я подумала о том, что это не я помогаю ей идти, а она мне.

Мы уже свернули в тисовую аллею, которая вела к больнице, и я не сдержалась:

– Матушка, я надеюсь, что мой вопрос не покажется вам нетактичным, но хотелось бы знать...

– Мне восемьдесят три года, – перебила она меня и, радуясь, что угадала вопрос, продемонстрировала желтые лошадиные зубы. Поймав мой взгляд, она пояснила: – Меня столько раз об этом спрашивали. – Обернувшись в сторону кладбища, мать Хильдегард по-галльски вскинула одно плечо. – Еще рано, и очень много работы, *Le Bon Dieu* знает об этом. Господь добр ко мне.

Глава 41

Мы ставим паруса

Декабрь в Шотландии всегда серый и холодный, и вот в один из таких дней «Артемиды» причалила к северо-западному побережью, а именно к мысу Ярости.

Туман клубился над прибрежными утесами, скрывая их за непроглядной пеленой. Своим запахом морских водорослей, проникавшим в щели всех зданий, и шумом прибоя, постоянно сопровождавшим всех путешественников, мыс очень уж напоминал печально известный остров тюленей. Это было более чем печально, ведь прошел месяц с тех пор, как Эуона похитили пираты, а мы все еще сидим в Шотландии! Шум моря, доносившийся до нашего слуха и в трактире, заглушал наши разговоры и заставлял осознавать свое бессилие перед лицом стихий и обстоятельств.

В трактире горел огонь, но Джейми не мог находиться на одном месте и отправился ходить по пристани под дождем. Когда мы плыли назад в Шотландию из Франции, ему было так же плохо, и одному богу было известно, о чем он думал сейчас. Часто, слишком часто я просыпалась среди ночи, не обнаруживая его рядом: он уходил бродить по ночам, чтобы развеять тоску и успокоить нервы. Любая мелочь, которая задерживала нас перед отплытием, раздражала его и заставляла переживать за успех предприятия.

Забавно, но сейчас мы задерживалась как раз по вине Джейми: на мысе Ярости мы должны были забрать Фергюса, который разыскивал здесь нужных нам людей, пока мы добирались до Шотландии.

Это была идея Джейми – привлечь к нашему путешествию контрабандистов. Он объяснял, что не хотел бы рисковать, идя на пиратов с голыми руками, а верные люди очень облегчали участие в возможной драке.

Кроме того, был еще один момент, суливший нам успех: все без исключения контрабандисты прекрасно знали морское дело и не раз переплывали море если не на больших кораблях, то на лодках. Это значительно облегчало нашу затею и было неоценимой поддержкой, ведь команда «Артемиды» изрядно уменьшилась после окончания сезона, когда многие моряки отказались идти в Вест-Индию в шторма.

Забрать новую команду с мыса Ярости тоже было удачной задумкой: этот маленький порт не обращал на себя внимания нежелательных нам лиц, тем более сейчас, когда там стояли всего пару рыбацких лодок и кеч. Правда, как во всяком порядочном порту, там имелся кабачок, и моряки не преминули воспользоваться гостеприимством его хозяев. Он был так мал, что часть разношерстной команды, не помещаясь внутри, толпилась под навесами на улице, куда счастливчики, попавшие в помещение, передавали им пенистый эль.

Джейми все время ходил в одиночестве по мысу. Никто толком не видел его – он приходил только пообедать. Когда он наконец усаживался у огня, пар, поднимавшийся от его мокрой одежды, скрывал его грустные глаза и напряженную складку между бровей.

Ждали только Фергюса, все остальные были на месте. Казалось, что все матросы не особо тяготятся непредвиденной задержкой, и только Джейми и капитан с нетерпением ждут команды к отплытию. Капитана Рейнса нанял Джаред. Если Джейми непрестанно топтал камни мыса, то немолодой низенький капитан торчал на палубе, попеременно взглядывая то на барометр, то на низкое небо, будто ища подтверждения своим мыслям.

– Ого, англичаночка, что это у тебя так пахнет? – заметил Джейми, проходя мимо моего стола с разложенными снадобьями.

– Это имбирь. Свежий. – Я как раз измельчала в плошке корень имбиря и решила просветить Джейми, с какой целью я это делаю. – Говорят, что отлично помогает при морской болезни. Хочу проверить.

– Да-а? – недоверчиво протянул Джейми. – Дай-ка я.

Схватив мою плошку, он сунул нос в мелко нарезанную приправу и, вне сомнения, начал безостановочно чихать.

– Но-но, это не табак, которым можно набивать нос, – ворчала я, отбирая у него плошку, боясь, чтобы он не рассыпал оставшееся снадобье. – Ты должен будешь пить его с чаем, тогда это поможет. Иначе я не знаю, что с тобой делать, кроме как выбросить за борт.

– Миссис, не стоит беспокоиться, поверьте, – встрял в нашу шуточную перепалку один из старых моряков. – Всем новичкам поначалу не очень хорошо, но только первые несколько дней. Потом, как правило, привыкают и уже день на третий-четвертый бегают по палубе и порхают по реям аки птички.

Джейми никак не походил на птичку, но сейчас он выглядел, будто возбужденный воробей, распушивший перья в порыве воодушевления. Он даже кивнул служанке, чтобы ему принесли эль. Что может сделать с человеком надежда!

– Ну да, все может быть. Охотно верю. Джаред, кстати, тоже меня успокаивал, говорил, что так и есть, мол, если не штормит, то морская болезнь быстро проходит.

Он взялся за кружку с элем и отпил немного, затем еще.

– Дня три продержусь, – храбро заявил он, делая большой глоток.

На следующий день мы заметили шестеро всадников, едущих, судя по всему, в нашу сторону. Косматые горные пони семенили по камням.

– Вот, смотри, впереди Риберн. – Джейми прищурился. – Дальше Кеннеди и Иннес – тот, который без левой руки. Дальше Мелдрум и Маклауд, эти всегда держатся друг друга. Замыкает... Фергюс или Гордон?

– Думаю, что это Гордон, всадник ведь толстый, а Фергюс не такой, – честно ответила я, всматриваясь в едущих верхом, хоть мне и хотелось верить, что это француз.

– Куда подевался Фергюс, черт возьми? Почему задерживается? – Джейми бросился нетерпеливо расспрашивать Риберна, едва тот вместе с другими контрабандистами представился морякам и сел за стол, где его ждала вкусная еда и бокал.

Жуя пирог, Риберн отвечивал:

– Ммм, он сказал, что занят, дело есть одно. Мне велел купить лошадей, вот этих, и ждать Мелдрума и Маклауда, ну чтобы уговориться ехать сюда. Вот, стало быть, я и стал ждать, да их-то не было долго, на лодке ходили, пришлось ждать денек-другой...

– Какое еще «одно дело»? Чем он может быть занят? – взвился Джейми, но Риберн ничего не мог ответить на это.

Гэльское проклятие донеслось до нашего слуха, но Фергюс, конечно, не мог его слышать. Джейми продолжил ужин в молчании. Выходит, недоставало только француза – все остальные были готовы к отплытию. С утра команда принялась за последние приготовления. Мне было в новинку смотреть, как моряки вместе с контрабандистами снуют по палубе, выскакивают из люков и вновь пропадают там, лезут по реям или спрыгивают с них. Признаться, я чувствовала себя чужой среди этих деятельных людей и нигде не могла приложить усилия и чем-то помочь, но Джейми, казалось, чувствует то же, что и я. По крайней мере, он ни во что не вступал и стоял возле штурвала, всякий раз предлагая помощь, когда видел, что может потребоваться физическая сила. Впрочем, команда прекрасно справлялась сама, поэтому Джейми стоял, смотря на дорогу, по которой должен был приехать Фергюс.

– Отправимся в полдень, пока не пропустили прилив, – твердо произнес капитан Рейнс. – Барометр падает, а это значит, что через сутки погода переменится, да и шею ломит, а это верный знак.

В подтверждение своих слов он поднял глаза на небо, ставшее уже свинцовым, тогда как еще на рассвете оно было цвета олова.

– В шторм пойдет только круглый дурак, а я им не являюсь. Если вы хотите добраться до Вест-Индии в кратчайшие сроки...

– Капитан, я понимаю. Я не ограничиваю вашу свободу действий. В конце концов, я всецело полагаюсь на вас, потому как не смыслю ничего в морском деле. Вы вправе принимать любые решения, предварительно известив о них меня. Да, мы отплываем в полдень.

Закончив эту тираду, Джейми шагнул назад, пропуская матроса. На том и порешили.

Я внимательно наблюдала за Джейми: он выглядел сосредоточенным, но было кое-что, что выказывало его волнение, – он стучал негнувшимися пальцами по бедру так, что даже посторонний человек заподозрил бы что-то неладное. Оно и неудивительно: Фергюс не отдалялся от хозяина ни на минуту, а если его не было, значит, он выполняет поручения Джейми. Первым таким поручением был перехват писем Карла Стюарта – для этого Джейми и нанял смывленного мальчонку из борделя.

Кроме того, с момента рождения Эуона-младшего француз жил в Лаллиброхе, поэтому отсутствие еще и Фергюса заставляло Джейми изрядно волноваться. Фергюс никогда не знал своего отца, что неудивительно, если учесть обстоятельства его рождения, поэтому Джейми заменил ему отца. Двадцать лет он неотлучно пребывал в семье Фрэзеров. Почему же сейчас он не с Джейми? Что же могло задержать его в пути? Шотландец непрерывно отбивал нервный ритм по перилам корабля, мучаясь теми же вопросами, что и я.

Наступил полдень. Джейми едва заставил себя отвести взгляд от пустынного берега, где не было ни единого намека на то, что на бешеном коне к нам летит Фергюс, или хотя бы на то, что на берегу появилась точка, постепенно превращающаяся во всадника, несущего нам весточку от француз. Матросы уже задраили люки, смотали лини и готовились отдать швартовы. Шесть швартовых толщиной с мое запястье.

Делать было нечего – Фергюс не приехал. Я попыталась отвлечь Джейми от невеселых мыслей и, касаясь его руки, предложила:

– Пойдем вниз, я заварю тебе чаю с имбирем. Выпьешь, успокоишься немного...

С берега донесся долгожданный звук топота копыт: лошадь летела галопом, именно так, как мы и хотели. Правда, всадника еще не было видно, но мы уже знали, кто он.

– Проклятый лягушатник, – отпустил Джейми колкость по адресу опаздывающего. Я с удовлетворением отметила, что в его голосе слышится радость и облегчение.

Далее Джейми повернул корпус в сторону капитана, ждавшего его распоряжений.

– Прилив продолжается? Мы отчаливаем.

– Отдать швартовы! – раздался зычный бас капитана.

Нас уже ничто не удерживало у причала, напротив: натянулись ванты, а все швартовы мигом были втянуты на палубу и умело смотаны. Паруса с приятным шумом, похожим на взмах крыльев огромной бабочки, развернулись, наполнились ветром и зашумели, зовя в путь, в неведомые страны. Боцман метался между моряками, отдавая команды скрипучим голосом.

– Он тронулся. Пришел в движение! Под килем чудится живое напряжение!⁴ – прокричала я, стоя на дрожащей палубе и вспоминая подходящие строки, как нельзя лучше описывающие происходившее.

«Артемиды» превратилась в живое существо с помощью людей, бывших на корабле.казалось, члены команды передают ей свою энергию, а паруса придают мощи.

– Боже мой! – Джейми тоже почувствовал эту энергию, но не смог вдохновиться ею.

Схватившись за поручень, он закрыл глаза ладонью, чтобы не видеть, как берег удаляется от него.

– Мистер Уиллоби заверяет, что знает, как тебе помочь, у него будто бы есть какое-то лекарство, – подлила я масла в огонь.

⁴ Строки из стихотворения Г.У. Лонгфелло «Постройка корабля».

– Угу, – пробормотал Джейми, приоткрыв один глаз и кося им на меня. – Блоха думает, что он самый умный, как же... Я не позволю проделывать со мной эти грязные штучки... Черт побери!

Поскольку последние слова Джейми выкрикнул, глядя куда-то в сторону, я сочла логичным проследить за направлением его взгляда, чтобы понять, что могло разозлить или удивить его. Оказывается, Фергюс прыгнул на палубу и помогал сойти со сходен девушке. Длинноволосая блондинка была Марсали Маккензи – дочерью Лаогеры.

Пока я ловила ртом воздух, не зная, что говорить и что вообще думать по этому поводу, Джейми уже стоял возле парочки и буравил их глазами.

– Фергюс, черт тебя побери, что это такое? Зачем ты ее притащил сюда? Что это значит, будь добр объяснить?

Поскольку на палубе и вообще на корабле кипела жизнь и матросы, заинтересованные в том, чтобы им никто не мешал, могли оттеснить меня от парочки и нависавшего над ними Джейми, я шмыгнула поближе к ним, чтобы ничего не пропустить и услышать все из первых уст.

– Мы женаты. Поженились сейчас, поэтому я опоздал, – честно объявил Фергюс и встал перед девушкой, будто бы защищая ее.

Француз был бледен как мел, испуган, но в то же время возбужден. Было видно, что он намерен защищать свое счастье, заключавшееся в возможности называть Марсали своей женой.

– Что-о?

Джейми сжал кулаки, и парень чуть не отдал девушке ногу, отступая.

– Как это вы поженились? Что еще за новость?

Я заинтересованно следила за разыгрывавшейся сценой, но, видимо, не вполне понимала смысл происходящего: Джейми понял все намного быстрее меня и спросил Фергюса, что называется, в лоб:

– Ты что, взял ее? Это ты называешь женитьбой?

Я не могла видеть, что выражает лицо Джейми, но лицо Фергюса изменилось еще больше, из чего я сделала вполне резонный вывод: шотландец даст француз у фору.

Щеки Фергюса стали зелеными.

– Милорд... я не... – залепетал он, но крик Марсали оповестил всю команду:

– Да, он спал со мной! Он взял меня! Я его жена!

Джейми недоверчиво покосился на обоих и позвал штурмана:

– Мистер Уоррен, пожалуйста, поверните корабль к берегу, мы должны сбросить балласт.

Штурман был занят – он отдавал приказание команде. Услышав слова Джейми, он опешил и молча смотрел на шотландца. Переведя взгляд на берег, он потемнел: «Артемида» отошла на тысячу ярдов в море. Шутка ли – вернуться! Утесы, торчавшие из воды, быстро исчезали из виду.

– Мне кажется, что балласт придется оставить на корабле, Джейми. Мы вышли в море с приливом, значит, скоро начнется отлив. Не будем же мы так рисковать, – тихо добавила я.

По счастью, Джейми принадлежал к отходчивым натурам и, проведя долгое время в компании моряков, мог оценить, какому риску он подвергает всю команду и прежде всего корабль. Стиснув зубы, он попытлся, а затем мотнул головой в сторону лестницы, по которой можно было спуститься под палубу.

– Идите туда. Фергюс, помоги ей.

Парень и девушка уселись на одной койке, вцепившись друг в друга. Мы находились в моей каюте.

Джейми был напряжен и не хотел даже произносить что-либо, предпочитая сейчас говорить как можно меньше, так что просто показал мне, чтобы я пересела, благо я понимала его без слов. Упершись кулаками в бока, он начал воспитательную работу:

– Ну и? Что скажете в свою защиту, голубки? Кто это вас венчал, хотел бы я знать? Женитьба – что за чушь?

– Милорд, мы действительно женаты, – взял слово Фергюс.

Он все еще был очень взволнован, так что глаза, казалось, светились на мертвенно-бледном лице. Вцепившись в руку девушки своей здоровой рукой, он держал крюк поперек бедра.

– Ну так что же, обряд венчания был?

Парочка обменялась взглядами, новоявленный муж облизал губы.

– Мы... заключили контракт, – проговорил он.

– У нас есть свидетели, – добавила новоиспеченная жена.

Марсали, в отличие от Фергюса, была румяной, то ли от счастья, то ли от гордости за свой взбалмошный характер, то ли от всего сразу. Зная ее, я бы не сказала, что румянец на ее щеках вызван стыдом: кто-кто, а она делала что хотела, руководствуясь только своими чувствами. Впрочем, как и ее мать.

Она выпятила упрямый подбородок, явно не похожий на подбородок матери, в отличие от цветущей кожи и здорового цвета лица, и коснулась корсажа, за которым что-то хрустнуло так, как обычно хрустит бумага, свернутая в несколько раз.

– Здесь брачный контракт. Наши подписи и подписи свидетелей прилагаются.

Джейми рыкнул и заерзал на койке. Формально брак состоялся, ведь шотландские законы позволяют признать парня и девушку мужем и женой, если они заключили брачный контракт в присутствии свидетелей, тогда венчания не требуется.

– Ну хорошо, но раз брачной ночи не было, церковь признает этот брак недействительным.

В кормовое окно были видно, как едва появившиеся утесы тут же скрылись из виду, что свидетельствовало о том, насколько быстро идет «Артемиде». Джейми бросил туда быстрый взгляд и медленно проговорил, давая понять, что это его окончательное решение:

– В Льюисе корабль остановится: мы будем пополнять запас еды. Ты, Марсали, сойдешь на берег. Я дам тебе двух матросов в провожатые, мама может не беспокоиться – доберешься домой благополучно.

– Вот еще, нет! Ни в коем случае! – вскинулась Марсали. Она вперила в отчима глазенки и так же твердо, как и он, заявила: – Я останусь на корабле с Фергюсом!

– Нет, маленькая негодница! Ты сделаешь то, что я сказал. Как ты вообще можешь так поступать с матерью? Бежишь черт-те куда и с кем, не оставив ей ни записки, ни посыл весточки...

Марсали с вызовом смотрела на Джейми.

– Ничего подобного, я послала ей записку из Инвернесса. Написала, что отныне я жена Фергюса и что отправляюсь на «Артемиде».

– Мария, наша заступница! Да Лаогера убьет меня! Ты пишешь ей так, будто я посвящен в ваши безумные планы и сам все подстроил!

Хотя Джейми был напуган не на шутку и я понимала, какой может быть реакция Лаогеры на не совсем невинные забавы ее дочери, смотреть, как Джейми беспомощно хлопает глазами и втягивает голову в плечи, было забавно.

– Я просил... леди Лаогеру удостоить меня высокой чести и называть ее дочь своей женой. Когда был в Лаллиброхе в прошлом месяце, – осторожно сообщил Фергюс.

– Ха, не продолжай, я догадываюсь, какую отповедь она тебе дала. – Голос Джейми был сух, а щеки Фергюса наконец запылали. Жутко было видеть этот внезапный переход от бледности к лихорадочному румянцу.

– Она ответила, что не выдаст меня за бастарда! Сказала, что он преступник! И что...

– Но так и есть: Фергюс бастард и преступник. К тому же калека, не имеющий ни доброго имени, ни собственности. Думаю, Лаогера знает об этом. Неудивительно, что она отказала ему в твоей руке.

Возглас Марсали заглушил последнюю фразу Джейми.

– Ну и что, пускай! Он мне нужен, я его люблю. – Взгляд, которым девушка наделила Фергюса, свидетельствовал о любви лучше всяких слов.

Джейми не сразу нашелся, что сказать на это. Повозив пальцем по губам, он поразмыслил, а потом изрек:

– Ты совсем молоденькая. О какой свадьбе может идти речь?

– Я взрослая – мне уже пятнадцать! Неужели этого мало?

– Да, но ему уже тридцать! – отрезал Джейми. – Малышка, нет. Прости. К тому же мы уходим в море надолго. Кто знает, вернемся ли мы...

– Но ты берешь ее с собой! Почему же нельзя мне?

«Она» – это я. Марсали говорила обо мне, даже указала на меня. Хорошо, что не пальцем.

– Какое тебе дело до Клэр? Предоставь это мне, дорогуша. – Джейми был на удивление невозмутим.

– Что ты говоришь? Эта английская потаскуха вскружила тебе голову, и ты бросил маму ради нее! Да она еще и ведьма! О тебе судачит вся округа, а ты говоришь, что это не наше дело? Как ты смеешь теперь указывать мне? Я сама распоряжусь своей жизнью, а ты займись своей шлюхой!

– Смею, поверь. – В голосе Джейми послышались угрожающие нотки – он уже начал закипать. – Я тоже сам хочу распоряжаться своей жизнью, девочка.

– Так и я тоже! Отстань от меня со своими нравоучениями, папочка!

Фергюс, видя, что дело принимает серьезный оборот, встал и попытался увещевать Марсали, но ему плохо это удавалось.

– Ma chère, держи себя в руках. Не нужно так говорить с милордом. Он...

– И ты не указывай мне! Я сама решу, как с ним говорить! И вообще, я говорю так, как он заслуживает.

– Нет, он не заслуживает!

Марсали хотела было парировать, но осеклась. В свои тридцать Фергюс был не намного выше ее, но в его словах слышалась какая-то внутренняя сила, заставлявшая в критические моменты прислушиваться к его советам, превращавшимся тогда в распоряжения. Благодаря этому он выглядел сильнее и значительнее.

– Нет, он не заслуживает такого отношения к себе, – рассудительно повторил он. – Сядь, ma petite⁵.

Когда Марсали села снова на койку, француз принялся объяснять ей свое отношение к Джейми. Меня тронул этот рассказ.

– Милорд почти отец мне, даже больше чем отец. Он не раз спасал мне жизнь, поэтому я верен ему как собака. И он твой отчим, а это обязывает тебя выполнять его приказания. Пускай вы и не живете сейчас как одна семья, но он поддерживает твою мать, тебя и твою сестру, а это многого стоит. Он заслуживает только уважения. К тому же он не выгнал нас, как видишь, хотя мог бы, поскольку я, его слуга, ничего не сказал ему о своих планах и он будет вынужден объясниться с твоей матерью.

Слушая это, девушка хмурилась и кусала губы, но молчала: Фергюс был кругом прав. Когда парень закончил говорить, она повернула голову в сторону Джейми, но не стала смотреть на него.

⁵ Малышка (фр.).

– Прости, – выдавила она. – Теперь можно было спокойно поговорить.

– Ничего, девочка, это ничего, – проговорил Джейми с хрипотцой. – Но, Марсали, я буду вынужден все-таки отправить тебя к матери.

– Нет, я не вернусь к ней.

Дыхание ее уже пришло в норму, но взгляд был упрям. Она решила стоять на своем до конца. Посмотрев поочередно на мужчин, она заявила:

– Он не признался, что мы спали, но я правда отдалась ему. По крайней мере я скажу об этом дома. Так что либо я выйду за него, либо приму позор.

Логика Марсали была безупречна, нужно отдать должное изобретательности юной любовницы, а тон ее не терпел возражений. Услышав такое, Джейми закрыл глаза:

– Господи, избавь меня от женщин, особенно взбалмошных и молоденьких. – Открыв глаза и тяжело вздохнув, он с недоверием посмотрел на падчерицу, но, встретив упрямую решимость в ее взгляде, махнул рукой.

– Что ты будешь делать... Черт с вами, женитесь, коль уж так хочется! Только чур все как положено, с венчанием. Думаю, в Вест-Индии можно будет найти хорошего священника. Только я ставлю условие: пока святая церковь не признала брак действительным, вы будете спать в разных каютах. А тебе, Фергюс, я даже запрещаю касаться ее, ты понял меня?

Джейми подкрепил свое требование свирепым взглядом.

– Ах, милорд, merci beaucoup!⁶ – просиял француз.

Марсали же надула губки, что означало ее несогласие с постулатом Джейми, но вовремя оценила свои возможности и решила довольствоваться малым. Опустив очи долу и послав мне украдкой взгляд, она тихонько пролепетала:

– Хорошо, отец, спасибо.

Эти события отвлекли внимание Джейми, и он, по-видимому, на время забыл о том, что путешествует на корабле. К сожалению, осознание этого прискорбного для него факта вернулось к нему слишком быстро. Я отмечала, как он зеленеет и меняется на глазах, но все мои попытки отцепить его руки от палубы были безуспешными: мой муж не хотел покидать палубы, пока вдали еще виднелись родные берега.

– Как знать, может, я вижу Шотландию в последний раз, – поделился он своими опасениями. Это был его ответ на мои убеждения, что ему стоит пойти прилечь, потому что его неперестанно рвет.

Линия берега неуклонно удалялась из виду, и это было еще одной причиной для тревоги Джейми, которая усугублялась пониманием обреченности всего предприятия, может быть, всей жизни.

– Не в последний, уж поверь мне. Я точно знаю: ты вернешься в родные края, правда, не могу сказать тебе даты.

Джейми вытаращился на меня, затем, сообразив что-то, растянул губы в слабой улыбке:

– Понимаю. Ты, наверное, видела мою могилу, да?

Мгновение я колебалась, стоит ли говорить ему, но Джейми не был расстроен, поэтому я молча кивнула.

– Хорошо, я не боюсь. – Он помолчал и попросил: – Но не говори только... ты понимаешь... не хочу.

– Если бы и хотела сказать, то не смогу – не знаю. Там не были указаны даты, просто два имени, твое и мое.

– И твое?

Он вытаращился на меня, и было непонятно, чего больше в этом взгляде: испуга или удивления.

⁶ Большое спасибо (*фр.*).

Переборов себя и сглотнув подступавшие к горлу слезы, я опустила и подняла голову. Я видела брачный камень, на котором были высечены наши имена, но только одну его половину. Вторая должна была замыкать дугу.

– Там были перечислены все твои имена. Так я поняла, что это ты. А в конце было написано «Любящий муж Клэр». Тогда я не поняла, зато понимаю сейчас.

Джейми тоже кивнул, осознавая то, что я сказала ему.

– Хорошо... Это значит, что я вернусь домой и буду твоим мужем. Выходит, можно не переживать когда. А уж если я вернусь в Шотландию, то только с мальчонкой, с Эуоном, и не иначе, англичаночка. Ты принесла мне хорошую весть.

– Конечно, мы вернемся вместе с мальчиком. – Положив руку на плечо мужа, я тоже смотрела, как вересковая Шотландия подергивается туманной дымкой.

Когда наступил вечер, мы уже были достаточно далеко в море и не видели родной земли, да и ступавший сумрак не дал бы нам рассмотреть ее, если бы она и была видна. Тогда-то Джейми, чье лицо к тому времени приняло цвет свежестыранной и накрахмаленной простыни, позволил уложить себя в постель, не имея больше отговорок против лечения. Здесь оказалось, что уговор Джейми с молодой парой имеет неожиданные последствия.

Поскольку Фергюс и Марсали, согласно уговору, не должны были жить в одной каюте, я поместила девушку у себя, а Джейми, соответственно, парня: на корабле было только две отдельных каюты. Удивительно, но это обстоятельство очень осложнило наше путешествие.

Мне казалось, что проявления морской болезни сгладятся, если Джейми не сможет видеть движение линии горизонта, смещающейся из-за качки, но, к сожалению, моим надеждам не суждено было сбыться.

– Господи, снова? – забормотал Фергюс, лежа на койке и опираясь на локоть. Была глубокая ночь, но Джейми было все так же плохо. – Он ведь целый день просидел на одной воде! Разве так бывает?

– Раньше я тоже думала, что так не бывает, – проворчала я, пытаюсь вынести тазик из тесной каюты, не опрокинув его содержимое на себя и не задохнуться.

Мне было в новинку идти по палубе – я еще не приучилась держать равновесие при качке, а тут еще и ноша.

– Миледи, дайте я, – пришел мне на помощь Фергюс.

Он сел на постели, затем поднялся на ноги, но пошатнулся и чуть не сшиб меня.

– Миледи, ступайте отдохнуть. – Француз отобрал у меня тазик. – Я займусь милордом. Не переживайте.

– Вообще-то...

Возможность поспать, предоставляемая Фергюсом, выглядела очень заманчиво. Приходилось нелегко, но я не могла сдаться и пойти отдыхать, когда нужно было заниматься Джейми.

– Англичаночка, не выступай. Иди. Мы справимся. – Джейми был в поту, и в свете масляной лампы казалось, что он белый, словно призрак.

Признаться, я не была уверена в том, что с помощью Фергюса он справится, если не смог справиться с моей, но француз мог сделать все необходимое, то есть то, что можно было сделать при морской болезни, средства от которой нет. Джаред говорил, что в Атлантике качает не так, как при выходе из портов. Хотелось верить, что это правда, иначе...

– Ладно, уговорили. – Взвесив все, я решила уступить. – Надеюсь, что утром будет немного лучше.

Один открытый глаз Джейми сверкнул злобой, а его обладатель нахохлился и задрожал.

– А я надеюсь, что умру к утру.

Я не стала разубеждать его в этом и отправилась в темноту прохода, где споткнулась обо что-то. Этим чем-то оказался китаец – он спал у двери свернувшись калачиком. От неожиданности он издал звук удивления – видимо, он рассчитывал, что никто не потревожит его сон,

и намеревался провести здесь всю ночь, – на четвереньках вполз внутрь каюты и свернулся вокруг ножки стола, несмотря на протесты Фергюса, мгновенно уснув.

Предназначенная мне каюта располагалась напротив сходней, так что я быстро добралась до нее, но мне не хотелось сразу же лечь: с верхней палубы шел свежий воздух, привлекавший меня. Корабельные доски скрипели и трещали, паруса хлопали и шелкали, снасти завывали, а люди, которых было почти не слышно за этим разнообразием звуков, кричали далеко на палубе.

В каюте уже спала Марсали. Она не проснулась, хотя из двери потянуло холодным воздухом, и я обрадовалась, что не придется говорить с ней. Жаль, что все сложилось так, и в ночь, которая должна была стать брачной, девочка спит не с мужем, а одна, да еще и под бдительным присмотром отчима и его жены. С другой стороны, у них с Фергюсом впереди еще столько ночей.

Из-за холода, царившего в каюте, я не стала снимать с себя одежду и так и улеглась на койку. Звуки не утихали, кроме того, у меня над головой шумел океан: корпус «Артемиды» рассекал воду и она плескалась, успокаивая и даря надежду на скорое прибытие в Вест-Индию. Дул, не стихая, ветер. Не утихал Джейми, все так же страдая. Под эти звуки я и уснула.

«Артемиды», будучи восьмидесяти футов в длину и двадцати пяти в ширину, несла на себе шесть тонн шкур, сорок две бочки серы, тяжеленные листы меди и жести, а также нас – тридцать двух мужчин и двух женщин. Разношерстная команда пыталась поддерживать чистоту и порядок, но это не удавалось: на второй день я встретила с крысой и не могу сказать, чтобы эта встреча была очень приятной. Фергюс заметил, что эта гостья, проникшая в трюм, еще маленькая, однако я была не рада ей. Мои снадобья по ошибке погрузили в трюм вместе с другими ящиками, так что я отправилась искать их и была неприятно поражена тем, что грызуны могли повредить мой ящик, да и вообще тем, что на корабле не обошлось без вездесущих крыс. Кстати говоря, не только их: ночью я слышала, как в каюте кто-то копошится, но не могла понять источника издаваемых звуков. Посветив, я поняла, что это тараканы и что их довольно много, несколько дюжин, но не успела ничего сделать – они немедленно разбежались, как только я зажгла светильник.

Галюны, наспех сколоченные из досок, располагались по обе стороны от носа корабля и были, собственно, кабинками с дыркой в полу. Самым пикантным было то, что человека, посетившего галюн, могло обдать водой, ведь кабинка размещалась прямо над волнами. Если исходить из гигиенических соображений, это было правильно, но если из психологических, то нет. Это вкупе с провизией в виде солонины и галет способствовало тому, что большая часть команды страдала запорами.

Штурман мистер Уоррен убеждал, что матросы ежедневно драят палубы, полируют металл, какового на корабле было немного, и что стараются изо всех сил что касается поддержания порядка. Я же думала, что даже ежечасное мытье палубы не могло помочь, если из тридцати четырех людей мылся только один.

Это настроило меня на определенный лад, который нарушило посещение камбуза, куда я пришла за кипятком.

На «Артемиде» царил неряшливый полумрак, а здесь медь кастрюль и чанов, словно светящихся изнутри, выедала глаза. Кухня сияла и сверкала, и мне понадобилось время, чтобы глаза смогли рассмотреть убранство камбуза.

В стенки были вделаны полки и шкафы, то есть даже при шторме за сохранность посуды можно было не беспокоиться. Банки со специями, сложенные в стекло, были укутаны в войлок и поставлены над кастрюлями, чтобы обезопасить падение. Разнообразные ножи, тесаки и вертела были приспособлены для разделывания и приготовления любой, даже самой крупной туши. Срезанные верхушки репы находились в глиняных плошках и стеклянных стаканах. Подумать только, здесь росла и зелень! Котел с каким-то варевом издавал приятные звуки и

запах. Хозяин же этих хором стоял посередине, явно не желая пускать меня в свои владения, и буравил меня тяжелым взглядом.

– Вон! – бросил он.

– Здравствуйте. Я – Клэр Фрэзер, – придала я голосу теплоту.

– Вон! – Видимо, других слов я не удостоилась.

– Я – Клэр Фрэзер, жена суперкарго, и выполняю функции корабельного хирурга в этом рейсе. – Теперь в моем голосе звучал металл. – Мне нужно шесть галлонов кипятка, чтобы вымыть голову.

Кок прищурил голубые глазки и пронзил меня взглядом, жалея, что он не василиск.

– Я – Алоизий О’Шонесси Мерфи, кок этого корабля. И я только что выдраил палубу. Так что убирайся вон. Женщины не топчут полы моего святилища. Мой закон суров, но справедлив.

Я прикинула соотношение сил: Мерфи – косая сажень в плечах – был малость ниже меня, но зато фута на три толще. Его голова походила на ядро пушки, а вместо одной ноги была деревяшка. Он посылал мне убийственные взгляды в надежде, что я испугаюсь и покину камбуз.

Я шагнула назад – ровно шаг, не больше – и оказалась в коридоре, откуда продолжила наступление:

– Тогда пошлите мне воду с кем-нибудь из ваших помощников.

– Ха, пошлю. Если захочу, – отрезал он и отвернулся, выказывая всяческое презрение к моей персоне. И то дело: ему нужно было разделывать баранью тушу, чем он не мешкая занялся.

Мистер Мерфи застучал тесаком по колоде, где лежала баранина, затем не глядя привычной рукой стащил с полки какую-то банку со специями и сыпанул на мясо. Запахло специями – это был шалфей. Тесак продолжил работать над луковицей, добавившей свой запах к предыдущим. Капитан Рейнс недаром выглядит так хорошо: при таком поваре это неудивительно.

Я сунулась в дверь, но не зашла, а осталась в коридоре.

– Теперь кардамон. Целый мускатный орех урожая этого года. Экстракт аниса, тоже свежий, – диктовала я. – Имбирь, корень. Две штуки, большие, без пятен.

Кок замер, но не обернулся. Стук ножа по колоде прекратился.

– Штук шесть целых ванильных цейлонских бобов.

Мерфи обернулся, вытирая руки о грязный кожаный фартук. Следовало сказать, что его одеяние не отличалось чистотой.

Я могла видеть широкое румяное лицо и жесткие песочные бакенбарды, окаймлявшие его. Губы были поджаты, и по ним не замедлил пройти язык в нервном жесте.

– А шафран?

– Конечно, нужен. Пол-унции, – с готовностью ответила я, внутренне торжествуя.

Мерфи вздохнул и предложил:

– Мэм, там в коридоре коврик, воспользуйтесь им, и прошу на камбуз.

Фергюс принес столько воды, сколько смог и сколько позволил кок, но этого хватило только на голову. Помыться я не могла, поэтому вернулась к себе, чтобы посмотреть, что можно сделать без воды. Марсали уже не было – видимо, девчонка убежала к возлюбленному. Тяжко же им приходится.

Причесавшись и продезинфицировав ладони с помощью спирта, я прошла к Джейми, надеясь, что ему захотелось кушать или хотя бы пить, но эта надежда была иллюзорной.

Каюта, где ютились мы с девушкой, была самой просторной, ведь там каждая могла располагать шестью квадратными футами, правда, вытянуться на койке могла только Марсали, а я спала скрючившись и согнув ноги.

Постели Джейми и Фергюса были похожи на наши. Джейми, свернувшись в комочек при своем росте, был жалок, эдакая бледная рыжая улитка с серым лицом. Когда он зеленел, это

составляло жуткий контраст с рыжей шевелюрой. Заслышав шаги, он послал мне туманный взгляд и закрыл глаза.

– Все плохо? – то ли спросила, то ли констатировала я.

На мою реплику Джейми открыл один глаз и даже рот, но передумал и выдавил только «да».

Я провела было по его волосам, но эта ласка не подействовала на него, я не знаю даже, почувствовал ли он ее.

– Хорошие новости: капитан сказал, что завтра море утихнет, – я обнадежила мужа.

Отчасти это было правдой: качка хотя и ощущалась, море постепенно успокаивалось.

– Угу. Может быть. – Глаза его были закрыты по-прежнему. – Но я уже умру. Скорее бы, намучился.

– Знаешь, думаю, что ты ошибаешься. То есть ты, конечно, намучился, но и не умираешь! Кстати говоря, я не знаю случаев, когда бы умирали от морской болезни. Но если что, ты будешь первым.

– Не только от нее...

Джейми заставил себя подняться на локте, побелев и покрывшись испариной. «Плохо дело», – подумала я.

– Клэр, берегись. Осторожнее. Нужно было, чтобы ты знала раньше, но я молчал, ты бы волновалась, а...

Он изменился в лице, и я поспешно подставила тазик.

– Боже...

На подушки он приземлился белее полотна. Любое усилие было утомительно для него, а непрерывная рвота просто изматывала.

– Что мне нужно было знать? – Тазик был поставлен недалеко – возле двери. – Вообще-то стоило сказать об этом раньше, до отплытия.

– Я надеялся, что будет лучше.

– Я тоже, – съязвила я. – Ну так что там у тебя, выкладывай.

– Обратись к французу. Передай – я разрешил рассказать. Скажи еще, что с Иннесом все в порядке, он чист.

– В каком смысле чист? Я чего-то не понимаю? Что за секреты?

Среди симптоматики морской болезни нет делирия. Это давало повод для беспокойства. Джейми с трудом смог сфокусировать взгляд на моей скромной персоне. От этого ничтожного дела он весь покрылся потом.

– Иннес вне подозрений. Не он хочет убить меня.

– А кто хочет? Что происходит?

Я тоже вспотела.

Джейми не бредил – лихорадки не было, глаза ясные, в конце концов, он узнавал меня.

– Кто хочет твоей смерти? Ты знаешь? – Мне показалось, что на меня кто-то смотрит, расценивая как потенциальную жертву.

– Нет... Не знаю.

Начался новый позыв рвоты, но Джейми смог его подавить, закусив губу.

– Фергюс, его спроси. Лично, – прошептал он. – Он скажет, он знает все.

Выходит, ему грозит опасность, а я ничего об этом не знаю! И не могу ничего сделать для предотвращения убийства...

– Пускай он придет сюда – не хочу оставлять тебя одного.

Джейми медленно выпростал согнутую руку и сунул ее под подушку, извлекая оттуда кортик. Даже сейчас, крайне обессиленный, он уверенно держал оружие.

– Я постою за себя. Иди ищи Фергюса. Это важно. Ступай, англичаночка, оставь меня. Они не посмеют днем, при всех. Или вообще не посмеют.

Сейчас он был похож на изваяние на надгробии, неподвижный, в позе, выражающей решимость.

– Ступай. – Я поняла это слово по одним губам – голоса не было слышно.

У входа что-то шевелилось, это опять был китаец, сидевший с поднятыми коленями. Увидев меня, он произвел подобие поклона, какой только был возможен в его положении: развел колени и сунул голову между ними.

– Госпожа не бояться, нет. Моя караулить. Первая жена идти смело, быть смело, – заверил он свистящим шепотом.

– Хорошо, спасибо, – растерянно поблагодарила я, занятая мыслью, где бы найти француза.

Фергюс, конечно же, стоял вместе с Марсали. С кормы они смотрели на белых птиц, сопровождавших корабль. Первым делом он сказал, что не уверен, что кто-то покушается на жизнь Джейми.

– Бочки на складе могли взорваться сами по себе, это не редкость, такое часто случается, равно как и пожар в хлипком сарае...

Я дернула его за рукав.

– Погоди. Что у вас там произошло? Ты можешь мне объяснить, что, где и когда взрывалось, а что горело?

– Разве милорд не сказал? – вскинул брови француз.

– Милорд сейчас ни на что не годен. Он направил меня к тебе, сказал, что поручает расспросить, мол, ты все знаешь.

Фергюс осуждающе покачал головой.

– Милорд не меняется. Сколько я его знаю, он говорит, будто может управлять своим желудком силой воли и не заболит, но всегда заболевает, как только корабль отходит от пристани футов на девять.

– Ого, я такого не знала. – Джейми не переставал меня удивлять. – Надо же, какой упрямец!

Марсали прикидывалась, словно меня здесь нет, и настаивала на своей отстраненности, но не могла не слышать разговора, а услышав, не смогла сдержаться и не засмеяться. Правда, заметив, что я смотрю на нее, она быстро перевела взгляд на морской простор.

Фергюс сочувственно улыбнулся.

– Миледи, вы ведь знаете его. Он такой и ничего не попишешь. – В его голосе слышались любовь и преданность. – Даже будучи при смерти, будет молчать.

– Ну поди посмотри на него сейчас. Вид – лучше всяких слов.

Произнося эту колкость, я чувствовала удивление и благодарность. Фергюс неотлучно находился при Джейми в течение двадцати лет, но тот не раскрыл своего секрета, считая морскую болезнь постыдной слабостью, в которой зазорно признаваться. Я бы знала, что он умирает, не только потому, что я врач.

– Ох уж эти мужчины...

– Мадам?

– Нет-нет, ничего, продолжай. Бочонки и пожар, – напомнила я.

– Разумеется.

Француз убрал напозавшие на лоб волосы крюком.

– Это произошло у мадам Жанны, в аккурат за день, как вы вернулись.

Значит, в день, когда я приехала в Эдинбург, причем за пару часов до моей встречи с Джейми в печатне. Той ночью Джейми, Фергюс и еще шестеро проводили бернтислендскую пристань, где среди кулей с мукой были спрятаны бочонки с мадерой.

– Она пропитывает дерево позже, чем другие вина. С бренди так не выйдет – собаки учуют. А мадера, залитая в бочонки, является вполне невинным товаром.

– Собаки? Чьи собаки?

– На таможне появились собаки, натасканные на табак и бренди, – то, что больше всего любят контрабандисты. Вернемся к нашим баранам. Мадеру мы пронесли спокойно, без происшествий. Припрятали на складе – его формально держит лорд Дандас, а по факту – милорд и мадам Жанна.

– Понимаю. – Я вновь ощутила, как падает сердце. Именно так, как оно падало тогда, когда мадам Жанна узнала Джейми и отперла ему. – Они в доле?

– Можно сказать и так. – Фергюс с сожалением добавил: – Милорд имеет всего пять процентов, хотя он нашел это место. Зато мадам располагала живыми деньгами. Быть печатником – оно, знаете ли, не так прибыльно, как держать заведение.

Марсали продолжала смотреть на море, но подняла плечи.

– Наверное, так оно и есть.

Мадам Жанна далеко, в Эдинбурге, а мы здесь!

– Продолжай, пожалуйста. Милорду грозит опасность, а мы здесь рассусоливаем.

– Да, миледи. Мы спрятали товар, его осталось только замаскировать и продать. На рассвете все контрабандисты должны были разойтись, а пока пробавлялись напитками. Двое попросили денег, чтобы уплатить по долгам или купить еды семьям. Милорд пошел за золотом в каморку напротив.

Контрабандисты не смогли насладиться выпивкой: крепёжная решетка не выдержала веса стоявших на ней бочек и треснула. Маклауд, лучше других знавший тонкости складского дела, вовремя крикнул, чтобы люди легли. Бочка с элем весом две тонны скатилась с пирамиды, развалила ограждение и лопнула. За ней покатались другие.

– Милорда спасла Пресвятая Дева, не иначе. Он как раз проходил мимо пирамиды.

Лопнувшая бочка упала в паре дюймов, а когда начали падать остальные, Джейми прыгнул в пустую винную клеть.

– Понимаете, миледи, такое часто случается, – пояснял француз. – Нельзя сказать, что это редкость. В год с десяток складских работников Эдинбурга гибнет именно так. Но был и второй инцидент – пожар.

Это произошло за неделю до события на складе. Джейми работал тогда в сарайчике с упаковочной соломой. Перед дверью висел светильник, который внезапно упал и вызвал возгорание. Между Джейми и выходом возникла стена огня.

– Сарай был старым, а доски – гнилыми. Милорду достаточно было пробить дыру в стенке ногой, чтобы выбраться наружу. Похоже, очень похоже, что светильник упал сам, да только милорд говорит, что слышал не то выстрел, не то что-то подобное, а потом возникло пламя.

Фергюс наклонил голову, вздыхая. Очевидно, он сидел у постели Джейми ночь напролет.

– Мы не знаем, – признался он. – Все может быть. Похоже на случайности, даже если они следуют одна за другой. Но если соотнести с той засадой и убийством таможенника, то слишком много совпадений, – справедливо рассудил француз.

– Кто-то предал вас? Кто-то, кто входит в число контрабандистов?

– Да, миледи, скорее всего. Но милорда заботит больше тот неизвестный, кого пристрелил китаец.

– Думаете, что это таможенник, следивший за Джейми до самого борделя? Но ведь при нем не нашли никаких документов.

– Вряд ли бы он носил их при себе, – оборвал меня Фергюс. – Зато у него была брошюра.

– Евангелие? Ну и что? Мало ли кто носит Новый Завет в кармане?

– Это Евангелие является лучшим документом, миледи, – оно напечатано Александром Малкольмом.

– Теперь ясно...

Фергюс кивнул, подтверждая мое предположение.

– Если корона следует по пятам за контрабандным бренди и раскрыла место его хранения, это одно. Это плохо, но с этим можно жить. Товар можно перепрятать, в конце концов милорд знает несколько трактиров, чьи хозяева будут готовы помочь нам, за деньги или за услугу.

Он оборвал себя жестом.

– Впрочем, неважно. Но если Джейми Рой, контрабандист, и мистер Малкольм, печатник, – одно лицо, то есть таможенники поняли это, это совсем другое, и последствия могут быть очень, очень печальными. Вы понимаете, миледи, – развел руками француз.

Конечно же, я понимала. Все, что связано с контрабандой, можно было придержать на время: отпустить людей по домам, отменить все встречи, перепродать товар или вовсе не заниматься пока незаконной торговлей, быть простым и честным печатником. Но в случае, если власть свяжет воедино обе эти линии... Оба источника дохода пропали бы, ведь Джейми не смог бы никому поручить выполнять эти функции за себя. И, что самое важное, враги смогли бы узнать его настоящее имя, что было вовсе не сложно. А где имя, там и прошлое, а где прошлое, там и тюремное будущее. Выходит, что человек, печатающий бунтарские прокламации, и торговец незаконным алкоголем – одна и та же личность, и эта личность – мятежник из Лаллиброха, ранее судимый и наказанный за измену. Каждый из этих пунктов тянул на виселицу, а вкупе они давали основания проделать это с десяток раз.

– Таким образом, когда милорд предлагал мне и маленькому Эуону пожить во Франции, он переживал из-за этих событий, верно?

Фергюс дал мне успокоение. От мысли, что Джейми тревожится не только за свою семейную жизнь, связанную с разводом и дележом имущества, у меня потеплело на душе. Доселе я чувствовала себя виноватой за то, что являюсь причиной отъезда Джейми, а оказалось, что к этому его вынудили обстоятельства.

– Верно. Мы можем только подозревать кого-то из контрабандистов, но ничего не знаем наверняка, как не знаем и того, угрожает ли милорду опасность на корабле или где-либо еще.

– Да, это необходимо знать.

Следовало различать предательство из корыстных мотивов, ради денег и по идейным причинам, то есть основанное на личной мести или на своеобразном понимании справедливости. Во втором случае этот человек может восстановить справедливость самостоятельно, не дожидаясь королевского суда.

– Тогда можно подозревать кого-то из тех шестерых, что мы и делаем. Милорд пригласил их на «Артемиду», но они побывали во всех предыдущих переделках, когда жизнь милорда была в опасности, – во время пожара и падения бочек. И все захаживали в заведение мадам Жанны.

Фергюс помолчал, сопоставляя факты.

– И все были на дороге у аббатства в ту ночь, когда на нас напали из засады и когда нашли удушенника.

– А о печатне они знают?

– Нет, миледи, никто! Милорд очень осторожен в таких вещах и никого не ставил в известность. Впрочем, они могли последовать за ним на городских улицах, если бы захотели, и узнать, что Джейми Фрэзер время от времени живет жизнью печатника Александра Малкольма.

Фергюс ухмыльнулся, замечая:

– Милорда легко узнать на улице.

– Да уж, легко. Но ты заметил, что капитан Рейнс называет Джейми по фамилии? То есть все контрабандисты знают его настоящую фамилию, знают, что Рой – это Фрэзер!

– Это так, – помрачнел француз. – Поэтому так важно узнать, кто предатель. Если он есть среди нас.

Эти слова заставили меня восторгнуться. Я привыкла, что Фергюс всегда был десятилетним мальчишкой с белыми зубками или хотя бы беззаботным подростком, охочим до удовольствий, а он вырос за это время и возмужал. Теперь он волнуется за своего милорда и готов порвать глотку любому, кто будет представлять опасность для Джейми. Фергюс становился опасен, и можно было только порадоваться, что он на нашей стороне.

Марсали упорно созерцала море, хотя там не было ничего интересного. Она не желала беседовать с нами, да и о чем? Хватило с нее и того, что в нашем с Фергюсом разговоре упоминалось столько опасностей, прошлых и будущих, а ее избранник не желал отходить ни на шаг от милорда, желая разделить с ним любую участь, вплоть до повешения. Худые плечи девушки то и дело содрогались. Я была уверена, что не утренний холод тому причиной. Наверное, Марсали не думала, какая кутерьма может завязаться вокруг Фергюса и Джейми, и уж тем более не предполагала, что ей самой может грозить опасность, исходящая от предателя, потенциально находившегося на «Артемиде».

Я предложила французцу отвести возлюбленную вниз, в каюту, и предупредила, что отлучусь на какое-то время.

– Миледи, но милорд? Он не...

– А я как раз не к нему иду – хочу заглянуть к Мерфи на камбуз.

– Но зачем? – искренне удивился Фергюс.

– Хочу узнать, сможет ли что-нибудь предложить Алоизий О’Шонесси Мерфи от морской болезни. Возможно, нам удастся сделать для него что-либо, ведь пока он лежит, его шансы на спасение уменьшаются. Его следует поставить на ноги хотя бы потому, что он должен будет дать отпор врагам.

Мерфи были предложены унция сухой апельсиновой корки и бутылка красного вина высшего качества, какое только мог гарантировать Джаред. Удовлетворенный этим, он вызвался помочь в деле кормления Джейми, причем именно вызвался: для кока человек, не желавший ничего есть, представлял практический интерес и в некотором смысле вызов. Мерфи рассматривал содержимое разнообразных баночек и скляночек как полезные средства, но Джейми упорно отказывался принимать пищу.

Штормов, слава богу, еще не было, но ветры дули по-зимнему, нагоняя мутные волны. «Артемиде» то взлетала на десять футов вверх, то снова падала. Смотреть на то, как линия горизонта поднимается и падает, было жутковато даже мне, не говоря уже о больном.

Обещания Джареда не подтвердились, и Джейми все так же лежал дни напролет в своей койке. Китаец и француз сторожили его покой, если это можно было назвать покоем, и тазик, всегда стоящий поблизости.

Контрабандисты соболезовали, но других чувств не выказывали, так что заметить что-либо неладное было невозможно. Каждый из них приходил в каюту к Джейми, где был подвешен тайной слежке, но наши наблюдения не дали результатов.

Я проводила дни, занимаясь пациентами, число которых не ограничивалось Джейми Фрэзером. Ко мне приходили ударившиеся, порезавшиеся, те, у кого болели зубы или кровоточили десны, – я не сидела без дела. Мистер Мерфи предоставил мне возможность готовить снадобья в камбузе, а попутно с лечением я осматривала корабль.

Марсали исчезала из каюты рано утром, до рассвета, но, вернувшись вечером, я заставала ее спящей. Наши встречи ограничивались совместной трапезой, во время которой девица демонстрировала в лучшем случае враждебность и не скрывала своего неприязненного отношения ко мне. Я объясняла это двумя причинами: во-первых, обида за мать, во-вторых, необходимость ночевать со мной, а не делить ложе с возлюбленным. Что из этого было важнее, я не знала.

«Удивительно, – отметила я себе, – но Фергюс сдерживает свой пыл». Ради того, чтобы сдержать обещание, данное милорду, он готов был пойти на такие жертвы, хотя, если вдуматься, мог бы преспокойно нарушить запрет – Джейми не в состоянии был помешать ему.

– И это?! – Мистер Мерфи помрачнел. – Да это же бульон, от одного запаха которого вставали умирающие!

Забрав жестяную кружку из рук Фергюса, он понюхал зелье и дал понюхать мне.

– Миссис, судите сами: здесь мозговая косточка и кусочек свиного сала, чтобы придать аромат, чеснок и тмин. Очень щадящая штука – процеживается через марлю, чтобы большие куски не попадали в кружку. Но их там нет, в том-то и дело!

Бульон, предложенный Мерфи для Джейми, был превосходен: золотисто-коричневого цвета, почти прозрачный и издававший такой непередаваемый запах, что мне немедленно захотелось испробовать его, несмотря на сравнительно недавний завтрак. Мерфи был специалистом и по диетическому питанию тоже, поскольку его выписали для капитана Рейнса, которому требовалась легкая и полезная пища.

Кок «Артемиды» походил на свирепого морского волка: сходство ему придавали деревянная нога, габариты и широкое красное лицо. В Гавре он славился как лучший кок, и сам Мерфи честно говорил об этом. Его кулинарное искусство оценил весь город, бывшим крупным морским портом, а здесь какой-то суперкарго отказывается есть кушанья, приготовленные им! Это был вызов.

– Мистер Мерфи, поверьте, если бы я была больна, я бы залпом выпила этот чудесный бульон, более того – если вы всех отпаиваете таким, я готова заболеть. Но желудок Джейми вовсе не принимает пищи. Его сразу же выворачивает.

Кок свел брови, убрал кружку из-под моего носа и вылил ее содержимое в кипящий котелок с очередным яством.

Он потеревил редкую седую шевелюру и начал шарить по шкафам и сундукам в поисках чего-нибудь пригодного для больных морской болезнью.

– Не знаю, что и придумать для вашего Джейми, раз он такой капризный. Сухари, что ли. Ну да, что же еще. Уксус, быть может. Или кислый маринад, что-то в этом роде...

Толстые его пальцы выуживали припасы из таких фантастических мест, о которых я бы никогда не подумала, что там хранится еда. Лично я бы побоялась рыться в этих бесчисленных баночках, чтобы ненароком ничего не разбить, но Мерфи был богом, а камбуз – его святилищем, куда он не пускал посторонних, за исключением помощников и, по счастью, меня. Он мигом наполнил поднос и предложил его мне:

– Вот, может, это пособит. Здесь маринованные корнишоны, их нужно сосать, но не кусать. Хотя бы так, раз он ничего не принимает. Потом откусить от маленького сухарика. Только умоляю, мэм, запивать водой нельзя! Потом можно уже откусить от корнишона и съесть его, чтобы пошла слюна. Заесть сухариком. И так дальше, вы поняли меня. Коли не выблюет, дадим свежей горчицы, она у меня припасена для капитана. А дальше – дальше сам бог велел переходить на более вкусные вещи, но легкоусвояемые.

Я уже уносила поднос, а голос кока, привыкшего говорить с собой наедине, был все еще слышен:

– Можно гренки, предварительно надоить козьего молока... сливки тоже можно, взбить с крупным яйцом и с виски... Кабы дело пошло на лад...

Нельзя было не восхититься коком, оглашавшим даже коридор своим зычным басом.

Вход в каюту Джейми сторожил сидевший на корточках китаец, похожий на голубую болонку.

Каюта Джейми и святилище Мерфи представляли разительный контраст. Здесь – мрак, сырость, грязь, там – сияние надраенной посуды и ароматы снеди. Уже с порога я поняла, что кок старается зря: каюта была запущена донельзя, постель смята, повсюду была разбросана

потная одежда и одеяла – все говорило о том, что болеть Джейми решился всерьез. Когда я увидела, что койку от прочего пространства отделяет еще и какая-то грязная тряпка, то почувствовала жгучее желание выбросить этот хлам, а самого Джейми отправить мыться и плотно завтракать с бутылочкой хорошего бренди.

– Проснись и пой. – Мой бодрый голос прозвучал в этом мраке наигранно, но я не сдалась и сняла занавеску, на поверку оказавшуюся рубашкой Фергюса.

Все-таки Джейми не смог убрать свет полностью – он проникал сквозь призму в потолке, но и этого источника было достаточно, чтобы увидеть мученика с лицом бледно-зеленого цвета.

Одна восьмая дюйма, больше я бы не дала – настолько Джейми почтил меня своим вниманием.

– Убирайся. – Глаз и рот закрылись, едва открывшись.

– Ваш завтрак, сэр, – безапелляционно произнесла я.

На эти слова глаз открылся снова, но во взгляде не было ни намека на желание покушать.

– Не говори о завтраках, – взмолился Джейми.

– Хорошо, тогда полдник прибыл, сэр. – Я была готова на все. – Скоро полдень, так что пускай будет по-твоему.

Взяв табурет, я села у Джейми в головы и принялась тыкать в него корнишоном:

– Вот, держи. Есть необязательно, можно просто пососать, так даже полезнее будет. Мерфи советовал вначале пососать, чтобы организм прореагировал и выделил слюну.

Моя тирада вызвала открывание второго глаза, воззрившегося на меня так, что я прекратила словесные излияния и убрала огурец. Джейми благодарно закрыл глаза.

Нужно было что-то предпринимать. Посмотрев на его койку, я увидела, что она такая же, как и в нашей с Марсали каюте, то есть встроенная и занимавшая не больше пяти футов в длину. Джейми помещался на ней, подтягивая ноги. Был и положительный момент: матросские гамаки качало еще больше.

– Она же мала тебе, койка. Неудобно ведь, – я решила перевести разговор на темы, не связанные с приемом пищи и едой как таковой.

– Ну.

– Может, гамак повесим? – поступило мое неуверенное предложение. – Ляжешь во весь рост.

– Нет.

– Капитан Рейнс просил передать, что хочет видеть список грузов, – помолчав, добавила я.

Ответ содержал рекомендацию для капитана, куда лучше приспособить несчастный список.

Я потрогала руку Джейми. Сердце бьется учащенно, ладонь потная и холодная.

– Ну ладно, – сказала я будто бы самой себе. – Давай попробуем то, что я проделывала с хирургическими больными.

Джейми застонал, но ничего не ответил.

Моя врачебная практика располагала интересным методом – я говорила с больными, которые через пять минут должны были подвергнуться хирургическому вмешательству. Присутствие доброжелательного врача, спокойный голос, приятная беседа давали положительный эффект, к примеру, больные теряли меньше крови, postanестетическая тошнота была не так выражена, и в целом операция переносилась легче, а восстановительный период проходил быстрее. Понаблюдав, я сделала вывод, что этот метод можно брать на вооружение, если он имеет такой эффект. Выходило, что Джейми не зря говорил Фергюсу, что дух и сила воли могут торжествовать над бранным телом.

– Подумай о чем-нибудь хорошем. – Я говорила тихо и размеренно. – О Лаллиброхе, например. Помнишь, как холм нависает над домом? А сосны, запах их иголок, смола, текущая по стволу? Свежий прозрачный воздух, над кухней поднимается дымок – там колдует Дженни. В руке у тебя яблоко нового урожая. Ты ощущаешь его твердость, гладкость, а на вкус оно...

– Англичаночка...

Я поймала взгляд Джейми, буравившего меня глазами, пока я вспоминала Лаллиброх. Он вспотел от натуги.

– Что?

– Уберись.

– Но почему?

– Уберись, – ласково прошептал он, – или сдохнешь здесь, сейчас же.

Посрамленная, я покинула каюту, это прибежище болезни.

Китаец стоял в коридоре, не решаясь зайти внутрь.

– Послушай, у тебя часом нет тех шариков? – осенило меня.

– Моя иметь шарики, всегда с моя. Дзей-ми требовать здоровые яйца?

Мистер Уиллоби полез было в рукав за чудодейственным прибором, но я показала ему, чтобы не искал, объяснив:

– Если бы можно было треснуть его как следует этими яйцами... Хотя Гиппократ не одобрил бы такого поступка.

Китаец с полуулыбкой наклонил голову, не совсем понимая, о чем я говорю.

– Забудь, – велела я, заметив слабое шевеление на койке. Джейми чем-то занимался, и это что-то выглядело очень печально: из глубин скомканных одеял и потных простыней миру явилась рука, но проделано это было только для того, чтобы достать из-под койки тазик. Нашарив этот жизненно важный предмет, рука снова скрылась, а звуки сухой рвоты свидетельствовали о том, что операция прошла успешно.

– Проклятый осел, прости господи! – тревога брала верх над досадой и жалостью.

Путь через Ла-Манш корабль покрывает за десять часов ходу. Но два месяца плавания в открытом океане...

– Свиной голова, – подтвердил мистер Уиллоби. – Ваша не знать, Дзей-ми крыса или дракон?

– Он? – переспросила я. – Он воняет как все крысы и драконы вместе взятые! Но почему ты спрашиваешь?

– Есть год Дракона, год Крысы, год Овцы, год Лошади, много годов. Каждый разный. Люди рождаются в год и быть такими, какими этот год. Когда родиться Дзей-ми?

– В каком году, ты хочешь сказать?

Я припоминала, как в китайских ресторанах были нарисованы разные животные. Каждый рисунок сопровождался комментарием с описанием типичных черт характера родившихся в этот год.

– В тысяча семьсот двадцать первом, – уверенно проговорила я. – Но я не знаю, год какого животного это был.

– Моя предполагать, что Дзей-ми Крыса. – Китаец бросил оценивающий взгляд на грудку одеял. – Умный быть, везучий быть. Либо Дракон. Как он в постель? Драконы быть очень хороши, страстные.

– В последнее время он все больше с тазиком обнимается, – процедила я, желая сжечь грудку тряпья взглядом.

– Есть средство. Для рвоты, живот, голова – все делать шибко хорошим. Моя знать, – обнадежил мистер Уиллоби.

Я заинтересовалась таким заявлением.

– Джейми знает об этом? Вы уже пробовали?

Голова мистера Уиллоби мотнулась слева направо.

– Дзей-ми не хотеть. Кричать, говорить крепкие слова. Бросить в море. Моя не мочь подойти к Дзей-ми.

Я кое-что придумала и подмигнула китайцу.

– Видишь ли, если у мужчины не прекращается рвота, это очень опасно. – Я говорила так громко, чтобы мой голос достигал каюты, не теряясь в окружающих шумах.

– Да, плохо. Моя знать.

Мистер Уиллоби кивал, показывая мне свежесбриту переднюю часть черепа.

– Ткани желудка разрушаются, пищевод раздражается.

– Рушить и дразнить?

– Да, представляешь? Кровяное давление повышается, мышцы брюшной полости напрягаются и могут даже разорвать живот. Тогда образуется грыжа.

– О!..

Пораженный китаец издал звук удивления.

– Но самое страшное не это, – проговорила я еще громче, – а то, что яички могут перебиться в мошонке. Они перетянутся и больше не будут снабжаться кровью.

Коротышка, казалось, искренне изумлялся.

– И тогда мужчине придется совсем туго, потому что он перестанет быть мужчиной. – Я говорила тем голосом, каким дети рассказывают ночью под одеялом страшные истории. – Потому что нет другого выхода, как ампутировать яички. Иначе начнется гангрена и человек умрет в страшных муках.

Потрясенный нарисованной мной мрачной картиной китаец зашипел. Я скосила глаза на ворох одеял: он замер, а на протяжении нашего разговора ворочался.

Переведя глаза на мистера Уиллоби, я увидела в них недоуменный вопрос и знаком попросила подождать. Прошло около минуты, и миру явилась волосатая нога, а затем и другая выпросталась из-под одеял.

– Черти вас не берут, – прогудел всклокоченный и крайне взволнованный Джейми. – Входите, иродовы дети.

Парочка в лице француза и шотландки ворковала на корме. Марсали не собрала волосы в узел, и ветер развеивал их. Фергюс удерживал ее за талию.

Шаги заставили его обернуться, но при виде идущего Фергюс разинул рот и перекрестился.

– Молчи... умоляю. – Джейми стойко держался, но еще не знал, как его организм реагирует на внешние раздражители.

Француз молчал, не в силах выдать ни звука от удивления, а девушка при виде отчима завизжала:

– Папа! Что это такое на тебе?

Она была напугана, и Джейми не стал язвить в ответ, шевельнув головой, над которой, как антенны, торчали золотые иголки.

– Не бойся. Это китаец хочет, чтобы у меня прекратилась рвота. – Джейми говорил осторожно, как будто определяя меру произнесенных слов.

Падчерица подступила к нему и поочередно коснулась иголок, торчавших из-за ушей, из запястья и над лодыжкой.

– Это поможет? – недоверчиво уточнила она. – Тебе сейчас легче?

Джейми искривил губы в ухмылке, возвращаясь к жизни.

– Мне кажется, что я кукла колдуна, которую он утыкал иголками, чтобы извести врагов. Но рвоты пока нет, нет уже четверть часа. Наверное, язычники знали, что делать в таких случаях.

Мы с мистером Уиллоби стояли неподалеку, и Джейми послал нам хмурый взгляд голубых глаз.

– Что-то мне не хочется сосать огурцы, а вот к бокалу эля я бы присосался. Фергюс, ты пособишь мне?

– Конечно, милорд. Идемте.

Парень хотел было взять милорда за руку, но не решился и пошел вперед, увлекая его за собой.

– Пусть Мерфи соорудит тебе полдник! – напутствовала я Джейми.

Он обернулся и долго смотрел на меня, блестя иголками. Солнце золотило их, невольно превращая Джейми в лукавого чертика.

– Англичаночка, давай не будем, а? Я помню, что бывает, если ничего не есть. Яички перекрутятся, и их отрежут, верно?

Китаец, примостившийся в тени бочки с водой для палубных вахтенных, не обсуждал с нами последствия продолжительной рвоты, а вместо этого что-то считал, выставив вперед пальцы. Увидев, что Джейми ушел, он вскинул глаза.

– Моя ошибаться. Дзей-ми не быть крыса, не быть дракон, Дзей-ми быть бык. Год Быка.

– Ну надо же. Прямо в точку попал.

Могучие широкие плечи и рыжая голова были наклонены, чтобы лучше противостоять ветру.

– Да, ты прав. Он упрям, как бык.

Глава 42

Человек на Луне

Вопреки нашим ожиданиям, Джейми не был особо занят на корабле. Выполняя обязанности суперкарго, он наблюдал, как грузят в трюмы кожи, жемчуг и серу, но только и всего: во время плавания он должен был всего лишь отвечать за сохранность этих товаров, а кого интересовала сера или жемчуг? Впрочем, все хлопоты были впереди: на Ямайке ему предстояло не только выгрузить товар из трюма, но и проверить, все ли в наличии, все ли документы правильно оформлены и подписаны, довольны ли таможенники, учтены ли комиссионные при продаже, не пропущено ли что-нибудь из вороха сопровождающих товар бумаг...

Сейчас же на корабле делать было решительно нечего. Разумеется, Джейми не отказался бы выполнить какую-либо физическую работу, да и месье Пикар, наш боцман, всегда нуждался в помощи и не раз искоса взглядывал на мощную фигуру шотландца, однако же толку от суперкарго было мало. Он мог выполнять любую физическую работу, но чтобы работать на корабле, нужно было разбираться в морском деле, видеть, какой канат подтянуть, знать, как завязать морской узел, как поставить парус, а Джейми ничего этого не знал, хотя в проворности не уступал ни одному моряку. Поскольку грубая физическая сила требовалась сейчас не так часто, он чувствовал себя немного не в своей тарелке.

Рожденный солдатом, Джейми с удовольствием помогал команде в том, в чем он разбирался: через день на «Артемиде» проводились артиллерийские учения, для чего приходилось выкатывать огромные пушки и наводить их на воображаемые цели. В этом принимали участие все, за исключением меня, Марсали и мистера Уиллоби, да разве еще Фергюса, который присматривал за нами, вздрагивающими от грохота, – он бы и рад был поучаствовать вместе со всеми, но, не имея руки, не мог этого сделать. Джейми же часами торчал возле канонира Тома Стерджиса и в упоении обсуждал с ним таинства орудийного дела.

Признаться, я не рассчитывала на радушный прием со стороны моряков, но, казалось, женщина в роли судового врача их нисколько не удивляет. Как пояснил Фергюс, моряки рады тому, что на таком маленьком торговом судне, каким является «Артемид», есть хирург, ведь обыкновенно такой роскошью располагают только большие военные суда, а что касается женщин, то часто на маленьких судах жена канонира выполняет обязанности костоправа и неизвестно, насколько хорошо это ей удается.

Пока от меня не требовалось чего-то большего, чем заживлять ушибы и ожоги, вправлять вывихи, вычищать чирьи, лечить зубы и желудок. Нужно сказать, что ко мне обращались не часто, потому что команда была небольшой – тридцать два человека, а больным в море нечего делать, поэтому я располагала множеством свободного времени, не считая того утреннего часа, за который я успевала принять нуждающихся в помощи. Корабль шел на юг по великому Атлантическому кругу, и мы с Джейми наслаждались присутствием друг друга.

Мелкие заботы не отвлекали нас, а окружающие не требовали постоянного участия в их делах, и мы могли позволить себе основательно подзабытую роскошь общения. Нам ничто не угрожало сейчас, а если будет угрожать впоследствии – какое нам дело до этого? Мы просто были друг с другом, а это значило, что вместе мы преодолеем все препятствия, какие только могут случиться на нашем пути. Начиная с моего возвращения в Эдинбург и вплоть до этой поездки нас непрестанно отвлекала житейская рутина, а подстерегавшие опасности грозили уничтожить не только наше счастье, но и нас самих. Теперь же, пусть и на время, но мы были свободны.

Плавание по южным морям дарило нам незабываемые минуты новых открытий, добавляло новые темы в наши разговоры о разных забавных мелочах, вырывало из нашей груди восторженные возгласы при виде чудес и диковинок: восходящего и заходящего солнца впол-

неба, блестящих мокрых спин морских рыбок, то и дело мелькавших зелеными и серебристыми спинками и исчезающих в глубине, едва мы успевали рассмотреть их, упорных дельфинов, плывущих по нескольку дней за кораблем, словно добровольные провожатые, выпрыгивающих из воды, чтобы получше рассмотреть странных существ на странном предмете. А плавающие водоросли, образывавшие целые острова, служившие жилищем для махоньких крабов и прозрачных медуз!..

Здесь не только солнце поражало наше воображение своими размерами, но и луна: в полнолуние нам казалось, что плоское светило внимательно смотрит на нас, не скрытых ни облаками, ни ночной тьмой. Было немножко боязно видеть, как на небе встает громадный светящийся диск, а вода в то же время остается темной, и непонятным оставался плеск воды, в которой, как я полагала, должны были плавать дельфины, но кто знает...

Это таинственное зрелище восхода луны волновало всех без исключения: даже старые матросы из команды не могли сдержать своего восхищения. Итак, мы становились ближе к тайнам природы, а сама природа словно протягивала нам свои ласковые руки, предлагала щедрые дары – вот они, дотянись рукой и возьми. Земля против Луны, известное против непознанного.

Казалось, что можно сосчитать темные пятна и кратеры на поверхности светила – так близко она была.

– Можно поговорить с лунными людьми. – Джейми, улыбаясь, послал приветственный жест земному спутнику.

– «К закату рыдают Плеяды, луна под морями»⁷, – вспомнились мне поэтические строки. – Взгляни-ка, ведь в воде она тоже есть.

Лунный свет отражался в воде, будто где-то в толще вод морских находится еще одна луна.

– Знаешь, в моем времени, тогда, как я шла к тебе, люди хотели полететь туда, наверх, на Луну. Жаль, что я не смогу узнать, получилось у них или нет.

– Машины, сделанные человеком, могут улететь наверх? – Джейми скептически поднял глаза на небо. – Это должно быть великое путешествие, и совершат его очень смелые люди. Наверное, она довольно далеко. Помню, в одной книге по астрономии было указано, что отсюда до нее около трехсот лиг. Может быть, в текст вкралась ошибка и Луна намного ближе? Или ваши летательные аппараты... аэропланы... преодолевают такие расстояния?

– Аэропланы не смогут долететь туда, но другие машины, ракеты, смогут. Для этого их специально создают. Это правда, Луна довольно далеко, да и добраться до нее непросто: на определенном расстоянии от Земли начинается космос – это такое место, где нет воздуха, то есть люди не могут там дышать без специальных приспособлений. Кушать и пить там тоже нечего, поэтому все, кто отправится туда, должны будут взять с собой в канистрах воздух, воду и еду.

– Вот это да!

Джейми мечтательно уставился на небо. Я даже немножко завидовала ему, ведь я уже кое-что знала о том, как можно добраться на Луну и что там ждет людей, а он мог предаваться фантазиям.

– А они знают, что там, или летят наобум? Что там, на Луне? Ты знаешь что-нибудь? Как жаль, что я никогда не смогу увидеть!..

– Я расскажу тебе. До полета людей наши исследователи отправили туда приспособление, которое могло фотографировать поверхность Луны, так что теперь мы приблизительно знаем, что находится на ней. Так вот, снимки показывают, что на Луне нет ни деревьев, ни цветов – там только камни. Но они по-своему красивы: там есть скалы, горы и кратеры – те, что кажутся нам отсюда пятнами.

⁷ Стихотворение Альфреда Эдварда Хаусмана (1859–1936).

Подумав, я прибавила:

– Будто Шотландия, разве что без растительности.

Услышав это, Джейми рассмеялся и сунул руку в карман, где были снимки Брианны. Он небезосновательно связывал слово «снимок» с моим временем, временем, из которого я пришла к нему, поэтому, очевидно, решил взглянуть на свою дочь из будущего, запечатленную, как ему казалось, на простом листке бумаги. Карточки хранились в кармане его плаща и не вынимались ни в чьем присутствии, о них не знал даже Фергюс. Сейчас, ночью, никто не мог видеть нас – палуба была пуста.

Мне хватило бы совсем немного света, чтобы с первого взгляда узнать, на какой из фотографий Бри запечатлена в том или ином возрасте, и припомнить все обстоятельства, сопутствовавшие фотографированию, а луна хорошо освещала снимки. Я отметила, что края карточек уже истрепаны, значит, Джейми не раз тайно доставал их и смотрел на дочь.

– Как ты полагаешь, он доберется туда? – он указал на Луну. Бри на снимке тоже смотрела куда-то вдаль, не зная, что она попадает в объектив фотоаппарата и уж тем более не предполагая, что ее образ когда-нибудь попадет в другое время, на двести лет назад.

Джейми полагал, что путешествие людей на Луну является всего лишь разновидностью одного из земных путешествий, пусть и требующим более тщательной подготовки и терпения. Не знаю, возможно, он был прав. Наше нынешнее путешествие, а тем более мое возвращение к нему тоже были так же безрассудны, и мы так же полагались на удачу, хоть и делали все от нас зависящее в плане материальной подготовки. Если сравнивать эти путешествия, они ничуть не уступали дерзкому полету на Луну.

– Все может быть. – Брианну тоже привлекали неведомые края, так что я не могла знать наверняка, куда ей захочется отправиться и как устроить свою судьбу.

Джейми занимался карточками, в который раз рассматривая их, показывающих ему свое отражение, только женское и чуть более молодое. Поразительно, но мы жили, зная, что через много-много лет нас повторит дочь – уже повторила. Мы были бессмертны.

Образ камня, который я видела в Шотландии, не выходил у меня из головы с тех пор, как я рассказала о нем Джейми. Хорошо, что напоминание о смерти было так далеко от нас сейчас. Я тайне надеялась, что наше последнее расставание произойдет не скоро. Брианна же была памятью о нас в веках.

Припомнились строки Хаусмана:

Остановись у могильной плиты.
Он для нашего мира потерян.
Но помни: что тот, кому дорога ты,
Слову всегда был верен.

Мне захотелось прижаться к любимому, отцу моей дочери, и я сделала это, и через одежду чувствуя, какой он теплый. Положив голову на его руку, я могла видеть, как он смотрит на фотографии.

– Красивая девушка, – традиционно произнес Джейми, с уважением и интересом глядя на дочь. – Ты говорила, что она умненькая?

– Как и ты. – Он рассмеялся в ответ.

Увидев, что его взгляд стал напряженным, я решила взглянуть, что же его так могло поразить. Как я и предполагала, это была карточка, изображавшая дочь на пляже, где шестнадцатилетняя Бри, до бедер скрытая волнами, плещет воду на своего приятеля Родни, который, в свою очередь, тоже обладает ее брызгами.

Джейми молчал и хмурился.

– Ммм... Что за... – Он запнулся, но продолжил: – Клэр, ты не подумай, что я буду выговаривать тебе, но... – он с трудом подбирал слова. – Но не кажется ли тебе, что так нельзя? Это ведь против правил приличия.

Я сдержалась, чтобы не оскорбить его смехом.

– В мое время так выглядит большинство девушек. Это костюм для купания, в котором люди обычно появляются на пляже, так что здесь нет ничего зазорного.

На Бри был отдельный купальник-бикини. Трусики начинались чуть ниже пупка.

– Видишь ли, я долго думала, стоит ли показывать тебе этот снимок, не обидит ли он тебя. Но мне пришло в голову, что ты никогда не увидишь ее так полно, как здесь.

Джейми был сконфужен, но в целом понял мою идею и поддержал ее. В самом деле, на полуобнаженную Бри было приятно смотреть, и его переполняла гордость от того, что эта девушка – его дочь.

– Ты права. Она действительно красива. Везде.

Рассуждая, Джейми вертел карточку в руках, то поднося ее к глазам, то снова отдаляя.

– Многие женщины купаются нагишом, это нестрашно. Пускай такой костюм странен для меня, но если в ваше время это красиво, я не против. Только... Зачем же она так стоит в присутствии парня?

Ясно: Джейми как истинный шотландец усматривал в безобидном Родни мужчину, который может сделать-то нехорошее в отношении его дочери. Что ж, справедливое суждение для восемнадцатого века.

Нужно было объясниться, чего бы это ни стоило, но как, если это скользкая тема для многих людей нашего времени, не говоря уже о Шотландии двухвековой давности?

– Мы привыкли, что подростки растут и играют вместе, и не запрещаем им. К тому же стандарт одежды у нас совсем другой, нежели у вас: если не холодно, то многие части тела можно открыть на людях.

– Ммфм. Да, что-то такое ты и впрямь говорила мне.

Характерный шотландский звук передавал удивление и неодобрение – Джейми, разумеется, не мог принять чуждые ему моральные устои и тревожился за дочь, живущую в таком странном и опасном, по его мнению, времени.

Впервые я увидела еще одну роль, которую Джейми играл в обществе, роль, которую я, по понятным причинам, не могла видеть, – роль строгого шотландского папочки. Возлюбленный и муж в его исполнении были на порядок мягче, дядюшка и брат не так суровы, даже лэрд и воин уступали в непоколебимости.

Хорошо, что ни Бри, ни Родни не ощутили на себе его тяжелый угрюмый взгляд! Впервые мне с облегчением подумалось, что Брианне очень повезло с тем, что ее настоящий отец не смог принимать участие в процессе ее воспитания, иначе бы ухажемам несдобровать. Ни один юноша на пушечный выстрел не смог бы приблизиться к ней.

Джейми заморгал и начал вздыхать, видимо, собираясь спросить что-то важное. Стушевавшись еще больше, он выдавил из себя:

– Ты не знаешь, она сохранила... девство?

Тон, каким был задан этот вопрос, и заминка посреди фразы давали ясно понять, что, спрашивая, Джейми ощущает примерно то же, что ощущает человек, прыгающий со скалы в горную реку без страховки.

– Конечно, сохранила, – твердостью голоса я дала понять, что ничуть не сомневаюсь в добродетели Бри.

Честно говоря, я не знала этого наверняка, но более-менее представляла себе жизнь Бри и могла с большой долей уверенности предположить, что это так. Впрочем, с Джейми я не была кристально честна на этот счет, ведь, во-первых, не всякая мать может говорить свободно об интимной жизни дочери, а во-вторых, он не должен был знать о моих допущениях и сомнениях,

поскольку перестал бы доверять и мне, и ей. Он и так не все понимал в моем времени, а идею сексуальной свободы воспринял бы как крайнюю распущенность и воспитание в юношах и девушках похоти.

– Уфф!

Возглас облегчения, вырвавшийся из его груди, дал мне понять, что я поступила правильно.

– Я так и думал, но...

– Бри честная девушка, – пожимая ему руку, сказала я. – Мы с Фрэнком, возможно, были плохой семьей, но для нее сделали все возможное.

– Я знал это. Спасибо вам.

Джейми быстро спрятал фотокарточку в конверт и спрятал его в карман плаща. Он избегал встречаться со мной взглядом и смотрел на луну. Ветер играл его волосами, выбивая их из-под ленты, стягивавшей его кудри, а он убирал их со лба. Было заметно, что Джейми размышляет о чем-то, а жест производит машинально: выражение его глаз было отсутствующим. Наконец он заговорил:

– Ты считаешь... Ты не думаешь, что зря вернулась ко мне? – глухо вымолвил он. Первым моим порывом было отвернуться, оттолкнуть его от себя и убежать, но он не дал мне этого сделать, поймав меня за руку и прижав к себе. – Я рад тебе, безумно рад! Ты не подумай... Без тебя я не представляю своей жизни.

Он обнял меня еще сильнее.

– Иногда я думаю, что умру от радости, когда вижу тебя, когда могу обнимать тебя, вот так... Но... ты оставила дочь... ради меня. У нее никого нет больше, Фрэнк умер, ты здесь, со мной. Нет ни одного мужчины из твоей семьи или семьи Фрэнка, который бы устроил ее брак и защитил ее. Она ведь незамужняя. Неужели ты не могла проследить за этим? Ты могла бы вернуться ко мне чуть позже, когда ее жизнь устроилась.

Я не спешила с ответом.

– Могла, не могла... Я не знаю, не могу сказать, – мой голос дрогнул, во мне разрывались женщина и мать. – Наше время другое.

– Ну и что? Неужели девушка в вашем времени не должна выходить замуж?

– Да то! Ты не понимаешь!

Я отстранилась от Джейми и свирепо посмотрела на «шотландского папочку».

– Ты не поймешь. Наше время другое, совсем другое. Мы считаем, что девушка, как и парень, сама выбирает, что ей делать в жизни. Понимаешь, о чем я говорю? Брианна сама решит, когда и за кого выйти замуж. Она не будет ждать, что ей кто-нибудь, пусть даже я, устроит брак, нет, ею будет руководить любовь. Это будет только ее выбор. Она сама устроит и свой брак, и свою жизнь. Получит хорошее образование, сможет прокормить себя. Многие, очень многие наши женщины поступают именно так. Они не нуждаются в том, чтобы за них принимал решения мужчина...

– Если мужчина не покровительствует женщине, не защищает ее, не заботится о ней, грош цена ему и его времени!

Джейми рассердился не на шутку.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь овладеть собой.

– Наши женщины нуждаются в мужчинах, конечно. – Я попыталась говорить убедительно и мягко, подкрепляя свои слова лаской. – Но они могут выбирать и с удовольствием делают это. Они выходят замуж за того, кого любят, а не за того, кого им предложили или принудили.

Джейми немного расслабился, но все же напомнил:

– Ты была вынуждена выйти за меня.

– Да, но вернуться меня никто не принуждал. Я вернулась к тебе, потому что это мой выбор – быть с тобой и любить тебя, свободный выбор свободной женщины. Я могла бы

остаться в своем времени, там, где были все удобства и горячая ванна, там, где были мои друзья и дочь, там, где я хорошо зарабатывала и была уважаема в обществе. Но ты нужен мне, потому я вернулась.

Лаская своего мужа, я чувствовала, что он уже успокоился.

– Я знал это, англичаночка.

Он снова привлек меня к себе, и я положила голову на его грудь, туда, где под тканью ощущались квадратные фотографии дочери.

– Когда я уходила, то очень боялась, – доверительно проговорила я. – Боялась, что умру при переходе, что не найду тебя, а не найдя печатника Малкольма, не смогу вернуться назад в свое время. Брианна настояла, чтобы я шла, иначе можно было ошибиться во времени и не встретить тебя. Но я боялась, в том числе боялась оставить дочь одну.

– Конечно. Я бы вообще не мог ничего делать, – заверил Джейми, глядя меня по голове.

– И я. Я знала, что не смогу говорить без слез, поэтому решила написать ей. Я понимала, что больше... что мы больше не увидимся.

Стиснув зубы, я умолкла. Написание письма и передача его Роджеру так живо представились передо мной, что слезы уже подступили к горлу. Джейми, чувствуя мое состояние, провел кончиками пальцев мне по спине.

– Хорошая затея, англичаночка. А что ты написала?

Я нервно хихикнула:

– Я оставила письмо, в котором изложила все, что сочла нужным в тот момент. Такое материнское написание дочери, вступающей во взрослую жизнь. Всякие советы, глупые и не очень. Изложила свое мнение о том, как следует жить. Не знаю, пригодится ли ей это, зато узнает то, чего я бы никогда, наверное, не рассказала ей, не будь возможности вернуться к тебе. И краткие рекомендации о том, что делать с документами и как распорядиться наследством.

Доживая последние дни в Бостоне, я где-то с неделю рылась по дому в поисках всех необходимых бумаг, закладных, банковских чеков и семейных реликвий. Часть архива касалась Фрэнка и его родных, от которых осталось множество подборок фотографических и газетных вырезок, генеалогических росписей и коробок с письмами, часть была моей. В стенном шкафу я хранила коробочку, вмещавшую весь мой скромный архив. Благодаря дяде Лэму он дошел до меня, правда, чего-то экстраординарного там не было: свидетельства о рождении (как мое, так и родителей), брачные свидетельства и акт регистрации автомобиля, на котором они и разбились. Последнее я бы не стала хранить, будь на то моя воля. Впрочем, странного ничего не было, если учесть, что дядя Лэм был ученым, а значит, берег все то, что содержало информацию – просто так, на всякий случай.

А еще там были фотографии. Я знала это наверняка, потому что часто лезла ночью в коробку, чтобы посмотреть на снимок матери. Она была изображена на нескольких фото, но довольно нечетко, и все же я пыталась представить, как она выглядела, домыслить, какой она была, ведь я вовсе не помнила ее.

Самым удачным был снимок крупным планом, раскрашенный вручную, где губы и щеки были яркими, как у куклы, а глаза – карими, что, по словам дядюшки, не соответствовало действительности: я унаследовала от мамы золотистые глаза. На ней была шляпа-колокол из фетра; мама улыбалась, смотря в камеру из-под полей.

В юности мне очень нужна была мать, но Брианна была старше, чем я тогда, и я надеялась, что она не будет страдать подобно мне. Все же стоило оставить ей что-то, что показывало бы меня всю, такую, какой она помнила меня, и я решила оставить ей свой студийный фото-портрет. Она должна была найти его в коробке, оставленной посреди письменного стола, куда я надеялась вложить еще не написанное письмо.

«Дорогая Бри», – появились на бумаге первые слова, но они надолго оставались единственными, которые я смогла написать. Слишком тяжело было прощаться с дочерью вот так,

посредством послания на листочке. Одно дело думать, что нужно будет оставить дочь и уехать неведомо куда, и совсем другое – выводить слова прощания, долженствующие объяснить причину ухода.

Мне казалось, что я схожу с ума: неужели это я сижу и пишу Бри прощальное письмо, вместо того чтобы поддержать ее после смерти Фрэнка? Я ясно видела, как ручка дрожит в моей руке и выводит не только знаки на бумаге, но и кружки по воздуху. Пришлось отложить ручку в сторону и сесть, закрыв глаза.

– Не дрейфь! Нужно написать это проклятое письмо, даже если дочь не станет читать его и выбросит в мусорное ведро. А уж если прочтет, то будет вспоминать свою непутевую матушку добрым словом. Никакого вреда от написания или чтения не будет, а написать все-таки надо.

Приказав себе писать, я вновь взяла ручку в руки.

«Дорогая Бри, я не уверена, что ты прочтешь это послание, хоть я и оставляю его на видном месте. Поскольку я все-таки надеюсь, что оно дойдет до тебя и ты прочтешь его полностью, я изложу здесь все, что знаю сама о твоих настоящих дедушках и бабушках, а также о прадедушках и прабабушках, и твою историю болезни».

Пока я писала строку за строкой и складывала приятно шуршащие листы, содержащие повествование о таких важных для меня вещах, в стопку, я немного успокоилась: письмо всегда унимает игру воображения, особенно если пишешь воспоминания или завещание. Приходилось думать и том, что я могу передать Брианне, что я знаю и помню сама? Какие-то кусочки жизненной мудрости, к которым я сама пришла не сразу, а придя, постепенно забывала, как пришла к таким выводам? Как рассказать в одном письме, пусть и довольно длинном, все то, что пережил и передумал за сорок восемь лет жизни? Как раскрыть таинственные – а с течением времени они перестали быть таковыми – пружины, побуждавшие меня действовать так или иначе? И вообще – захочет ли дочь читать мудрые наставления мамочки, сбежавшей от нее неведомо куда? Не знаю, как повела бы я себя, будь я на ее месте.

Впрочем, я писала не только для Брианны, но и для себя: я оценивала свой поступок, соотнося его со всей моей предыдущей жизнью, и убеждалась, что иначе быть не могло, так что в любом случае следовало доверить свои мысли бумаге.

Как это ни было похоже на сюжет фантастического фильма, но моим словам суждено было звучать в веках. Мне суждено отправиться в прошлое, а Бри будет здесь и всегда сможет услышать голос матери, пришедшей из прошлого, чтобы родить ее. Или из будущего, чтобы встретиться с ее отцом. Но удастся ли мне доверить бумаге материнские чувства?

Это была задача поистине огромной важности, и мне оставалось лишь подчиниться внутреннему голосу, звучавшему во мне и диктовавшему слова. И надеяться, что дочь захочет прочесть эти советы и прислушаться к ним.

«Дитя». Это слово заставило меня остановиться и тяжело сглотнуть.

«Бри, ты – мое дитя, и останешься им навсегда, поверь. Когда ты сама станешь матерью, ты поймешь, что это значит, а пока просто поверь, что это так. У меня не будет другой возможности поговорить с тобой об этом, и я хочу рассказать тебе все сейчас, чтобы ты знала, что чувствовала твоя мать все эти годы. Когда я впервые почувствовала тебя внутри себя, я поняла, что отныне и навсегда ты будешь частью меня. Именно так – частью меня.

Сейчас, когда тебе уже восемнадцать, мне кажется, что я до сих пор поправляю тебе одеяло, когда ты спишь, слушаю, ровное ли у тебя дыхание, люблюсь тобой и умиляюсь сладости твоего сна. Я знала тогда и знаю сейчас, что, если ты живешь на свете, значит, все хорошо. В это трудно поверить, но я, наверное, как и всякая мать, помню все те глупые и милые прозвища, которые я давала тебе в разные годы твоей жизни: мой цыпленочек, моя тыковка, драгоценная голубка, прелесть, чудо, крошка, солнышко...

Знаешь, евреи и мусульмане называют своего Бога девятьюстами именами. Я думаю, что это оттого, что нельзя выразить любовь ни одним словом, ни даже десятью словами».

Глаза мои туманились от слез, и я моргала, чтобы согнать их. Если бы я ставила своей целью выражаться как можно точнее и яснее, я была бы вынуждена подбирать слова, думать о том, как лучше построить фразу, и тогда вряд ли бы мне удалось вообще что-либо оставить на бумаге. Сейчас я, по крайней мере, выражала материнские чувства так, как мне хотелось, и это было лучше, так как Бри могла услышать мой настоящий, неподдельный голос.

«Все, все врезалось в мою память и осталось в ней навсегда: младенческий пушок на твоей головке, золотистый и мягкий, появившийся на свет вместе с тобой, сломанный ноготь на большом пальце – помнишь? В прошлом году ты попыталась пнуть дверь пикапа Джереми, – вечно обкусанные ногти... Подумать только: я никогда не узнаю, избавишься ли ты от этой детской привычки! Боже мой, ведь это последняя весточка, которую я могу послать тебе. Все прекратится вот уже очень скоро: я не смогу видеть тебя, следить, как ты меняешься, как у тебя формируются взрослые черты лица, как ты вытянешься и станешь выше меня ростом...»

Я всегда буду помнить все-все, дорогая дочка. Мать не может забыть своего ребенка, потому что она мать.

Никто, никто не знает, как ты выглядела в трехлетнем возрасте, точнее, как тогда выглядели твои ушки. А я знаю, потому что обычно сидела возле тебя и читала тебе детские стихи наподобие «Рыбка раз, рыбка два» или «Три сердитых козлика», а ты розовела от удовольствия, и твои ушки тоже. Чистая младенческая кожа, на которой можно было видеть отпечатки пальцев, если коснуться ее...

Ты похожа на своего отца – на Джейми, это очевидно. Кое-что есть и от меня. Чтобы убедиться в этом, можешь взглянуть на фотокарточку моей мамы и на черно-белые карточки бабушки и прабабушки: у них был широкий красивый лоб, как и у нас с тобой. Если будешь следить за собой, то долго будешь привлекательной.

Мне так хочется присутствовать при всем этом! Но я не смогу видеть, как ты совершаешь вечерний туалет или как умываешься по утрам, поэтому тебе придется делать это самой для меня. Да, для меня, которой уже не будет рядом. Я не могу иначе, мне нужно уйти или остаться, третьего не дано».

Письмо уже было мокрым от слез, капавших на бумагу, и я сделала перерыв, чтобы утереть их и перевести дух, но вскоре продолжила:

«Бри, мне не жаль. Ты, конечно, понимаешь, что единственное, о чем я могу жалеть, так это о том, что придется оставить тебя, но больше я ни о чем не жалею. Двадцать лет я жила без любимого, а ты узнала об этом только сейчас. Можешь представить, каково мне приходилось все это время. Но у нас есть ты, а это стоит очень многого. Ты стала причиной и ценой нашей разлуки, но мы не жалеем об этом. Пусть так. Это лучше, чем если бы наше существование никак не продолжилось. Думаю, Джейми поддержит меня и не станет обижаться, что я говорю от его лица.

Девочка моя, ты моя радость, радость всей моей жизни. Ты и Джейми. Не знаю девушек лучше тебя, возможно, что их нет. Знаю, что сейчас ты хмыкаешь и передергиваешь плечиком: «Мама так считает, потому что она – мама. Другие сказали бы иначе». Ну разумеется, но разве тебя сейчас должно волновать мнение других? Я искренне считаю, что ты – самая лучшая в мире девушка.

Ты – самая большая ценность, какая только у меня была, ты и твой отец. Я многое видела и сделала тоже довольно многое – сама знаешь, какую эпоху я застала, – но ты и твой отец были главными людьми в моей жизни, а встреча с Джейми и твое рождение – главными событиями в ней».

Я высморкалась и взяла новый лист. Как бы то ни было, письмо – это лучшее, что я могу сейчас сделать, хотя прощание такого рода представляло немалые трудности еще и потому, что я не могла видеть глаз Брианны и могла руководствоваться только своим настроением при написании последней весточки. Сейчас эти слова кажутся мне идущими от сердца, но почув-

стнуется ли их искренность или спустя время все потеряется, словно в зыбучих песках? Что такого я могла пожелать ей сейчас, чтобы это пожелание пригодились ей через месяц, когда меня уже не будет и ей придется жить самой? Или через год? А через десять лет, когда образ мамы совершенно изгладится в ее памяти и от меня останется лишь воспоминание, когда я стану приятным, но не главным эпизодом в жизни дочери?

«Люби таких, как Джейми, смелых и мужественных. Ответственных и сильных. И таких, как Фрэнк, потому что он твой отец». Написав это, я поймала себя на том, что сомневаюсь в справедливости написанного, но, вспомнив Роджера Уэйкфилда, оставила все как есть.

«Когда любишь мужчину и хочешь жить с ним, не стоит пытаться изменить его». Этот совет не вызвал внутреннего протеста, как предыдущий: зная Джейми столько лет, я все больше убеждалась в правоте своего решения предоставить любимому быть таким, какой он есть. «Но и не давай мужчине менять тебя: ему это не удастся, хотя он и будет пытаться».

Нет, все не то. Я куснула кончик пера. То есть, может быть, и то, но не так. Бри будет решать сама, что ей делать. Материнские советы здесь ни к чему. Поразмыслив, что же все-таки пожелать дочери напоследок, я дописала то, к чему пришла сама и что оказалось едва ли не самым важным, к чему я пришла за свою жизнь:

«Держись прямо и постарайся не толстеть.

Всегда любящая тебя мама».

По вздрагиванию плеч Джейми я поняла, что он, скорее всего, смеется. Я не могла видеть его лица и смотрела на рубашку, белевшую в лунном свете.

– У Брианны будет счастливая жизнь, – прошептал Джейми, когда притянул меня к себе. – У человека, являющегося дочерью такой матери, как ты, жизнь просто не может сложиться несчастливо. Правда, ее отец – олух, зато ты, англичаночка, – лучшая в мире мать. Поцелуй меня и знай, что, если бы мне предложили целый мир, с тем чтобы я отдал тебя, я бы не согласился.

Глава 43

Фантомные ощущения

С тех пор как мы покинули Шотландию, шестеро контрабандистов не выходили из нашего поля зрения: Фергюс, мистер Уиллоби и я с Джейми зорко следили за ними, но не заметили никаких признаков странного поведения кого-либо из них. По прошествии времени я стала думать, что тревога была ложной, хотя нужно сказать, что все равно мы относились к ним несколько настороженно. Строго говоря, вне подозрений был только Иннес, поскольку у него не было руки, он не мог задушить акцизника, если бы и хотел это сделать. Джейми и Фергюс считали, что Иннес не является предателем и след нужно искать в другом месте.

Шотландцы славятся сдержанностью и неразговорчивостью, но Иннес превзошел их всех: мы почти не слышали от него слов, а если приходилось общаться, он обходился жестами или предпочитал короткие фразы, так что я ничуть не удивилась, увидев его сидящим с гримасой боли над раскрытым люком.

– Тебе помочь, Иннес? У тебя что-то болит? – участливо обратилась я нему.

Он, не ожидая того, что кто-то увидит его, и немало удивившись моей проникательности, вскочил и покраснел, но скорчился от боли и присел снова.

– Идем, я посмотрю тебя. – Я уверенно подошла к нему, чтобы он почувствовал мою силу, потому как Иннес вел себя как затравленный зверь, боящийся всех и не доверяющий никому. Взяв под локоть, я повела его в каюту, чтобы пропальпировать и установить точный диагноз, а он молча шел, слегка упираясь.

Осмотр показал то, о чем я догадывалась и сама: метеоризм. Печень была гладкой и плотной, а желудок слегка раздутый; боль заставляла его извиваться, а затем отпускала.

Стоило, однако, убедиться в том, что это не холецистит и не воспаление аппендикса, иначе я встану перед необходимостью вскрытия брюшной полости со всеми ее жизненно важными органами, чья работа не прекращается ни на секунду. Анестетики и антибиотики двадцатого века, разумеется, составляют хорошее подспорье медикам в их работе, но все же вскрытие брюшины – довольно опасное дело, требующее от врача определенного мастерства и постоянного контроля за состоянием пациента. Будет лучше, если сейчас дело ограничится чем-то более легким, нежели такая серьезная операция.

– Вдыхайте! – Я держала ладонь на плоской груди Иннеса и представляла, как зернистая поверхность легких сейчас розовеет и наполняется воздухом под моей рукой. – А теперь выдыхайте.

Когда человек выдыхает, его легкие приобретают голубоватый оттенок. Дыхание Иннеса не было прерывистым и не содержало хрипов. Поскольку я не могла взять с собой в путешествие стетоскоп, я использовала веленевую бумагу, которую скатывала в трубочку: она была достаточно плотной, чтобы можно было свободно прослушать легкие.

– Когда вы последний раз опорожнялись?

Вопрос заставил Иннеса покраснеть до цвета свежей печенки. Из его бормотания, служившего ответом на мой, как ему показалось, нескромный вопрос, явствовало, что четыре дня назад.

– Вот как, четыре дня назад?

Движение тела шотландца свидетельствовало о том, что он намеревается удрать, но я властно пресекла такую попытку, прижав беднягу к столу.

– Лежите! Я хочу послушать еще.

Прослушивая ровные тоны сердца и имея наглядное представление о том, как открываются и закрываются сердечные клапаны, я убеждалась, какой силой обладают врачи в глазах несведущих в медицине: сотоварищи Иннеса уже просовывали головы в дверной проем, чтобы

посмотреть, что я буду делать с их другом. На потеху публике я честно играла роль всемогущего лекаря, прослушивая кишечник.

Диагноз, поставленный на глаз, подтверждался: верхний отдел толстой кишки был полон газов, а прослушать нижнюю сигмовидную кишку не представлялось возможным – она была заблокирована.

– Запор и бурление газов, – изрекла я.

– Да уж я знаю... – протянул Иннес, услышав то, что ему и так было прекрасно известно.

Поймав его взгляд, брошенный на рубаху, и поняв, что шотландец мечтает уйти отсюда как можно скорее, я положила руку на сорочку, показывая, что ему не удастся так быстро отделаться от меня, пока он не скажет, чем питался в последнее время. Каково же было мое удивление, когда Иннес поведал, что рацион команды состоит из сухарей и свиной солонины.

– А горох и овсянка? – пораженная, пробормотала я.

Готовясь к отплытию, я узнала, чем обычно питаются моряки в плавании, и приобрела триста фунтов сушеного гороха и столько же овсяной муки, чтобы разнообразить корабельный рацион.

Иннес угрюмо молчал, а вот его друзья, торчавшие в дверях, наперебой принялись жаловаться. Выслушав эти жалобы, я узнала много занятных вещей, имевших место на корабле.

Мы с Джейми и Фергюс с Марсали, будучи привилегированными особами на корабле, обедали с капитаном Рейнсом, которому Мерфи готовил амброзию и мальвазию, а вот команда питалась отнюдь не по-королевски. Кок относился к приготовлению пищи для стола команды предвзято, полагая, что матросам хватит и нехитрой снеди в виде сухого пайка, в то время как капитанский стол ломился от яств. Таким образом он разделял рутинную работу, заключающуюся в приготовлении, если можно так выразиться, пищи для команды, и работу, требовавшую высокого мастерства, где он мог выразить свои предпочтения в еде и где придерживался высочайших стандартов. Быстро и умело нарезав солонину и добавив в миску сухарей, Мерфи наотрез отказывался делать что-либо еще, как-то замачивать горох или варить овсянку.

Нельзя сказать, что причиной тому была сословная гордость либо нежелание тратить время на всякую ерунду, как окрестил кок требования матросов сварить им крупу. Мерфи ненавидел сам вид шотландской овсянки, всякий раз называя ее собачьей блевотиной и другими, не менее крепкими словечками, когда подавал нам на завтрак плоские с вожденной кашей.

– Мистер Мерфи заявил, что он кормил матросов солониной и сухарями на протяжении тридцати лет, значит, они сгодятся и для нас! Правда, он говорит еще, что готовит для нас пудинг и говядину, но коль уж это считать говядиной, называйте меня китайцем! – блестел глазами Гордон.

Причина овсяной войны заключалась еще и в том, что Мерфи обыкновенно готовил для смешанных франко-итало-испано-норвежских команд, составленных из моряков разных стран, а те ели все подряд, облегчая этим жизнь коку. Видимо, те моряки не считали обязательным наличие национальных блюд на столе, но здесь мы имели дело с шотландцами, которые желали во что бы то ни стало есть овсянку. Шотландское упрямство, возможно, могло бы повлиять на другого повара, но Мерфи был ирландцем, неуступчивым, как все ирландцы. Градус конфликта достиг точки кипения.

– Фергюс, когда сманивал нас, говорил, что будут кормить по-людски, мы и повелись, – сетовал Маклауд. – Да только на столе все свиная солонина и вечные сухари, и желудок не благодарит кока.

– Мы не хотели из-за мелочей лезть к Джейми Рою, – добавил Риберн. – Джорджи предложил жарить овсянку на своей сковородке на огне лампы. Так мы и делали, пока овес не кончился. Теперь приходится довольствоваться тем, что есть, ведь ключ от кладовки есть только у

мистера Мерфи. – Риберн смутился и доверительно добавил: – Мы не хотели бы его просить, потому что знаем, что он о нас думает.

– Миссис Фрэзер, вы знаете, кого он называет негодяями? – решил добить меня Макри, вскинув кустистые брови.

Слушая, я собирала травяной отвар для Иннеса: анис и дягиль, конская мята (щепотки побольше), побеги перечной мяты. Несчастный шотландец немедленно надел рубаху, которую я ему отдала, вручая коробочку с травами, завернутыми в марлю, чтобы сберечь их полезные свойства.

Обещая поговорить с коком насчет обогащения рациона столь любимой матросами овсянкой, я одновременно давала наставления Иннесу:

– Заварите это себе в чайнике, а когда настоится, пейте по полной чашке каждую смену вахты. Завтра, если ничего не удастся, применим более сильные средства.

Бедняга не знал куда деваться от лукавых взглядов товарищей, а когда его чрево отозвалось трескучим звуком на мою угрозу и все покатались со смеху, и вовсе сконфузился.

– Эх, миссис Фрэзер, здорово вы его напугали! Так все дерьмо-то повыйдет до завтра, – прокомментировал эту щекотливую ситуацию Маклауд.

Иннес, увлекаемый прочими, обреченно последовал за веселыми шотландцами. К тому времени его лицо приобрело оттенок алой артериальной крови.

С Мерфи и впрямь пришлось поговорить. Как он ни язвил, я добила своего и теперь отвечала за приготовление завтрака, включавшего – о шотландское счастье! – кашу из овсяной крупы, правда, я обязывалась готовить эту пищу богов в отдельном котле и с отдельным черпаком, чтобы, избави бог, овсянка, оскорблявшая эстетическое чувство мистера Мерфи, не касалась других блюд, и не петь при готовке. В целом моястряпня должна была производиться под недреманным оком кока, строго следившего за тем, чтобы присутствие женщины на кухне никоим образом не нарушало установившегося порядка, которому он неуклонно следовал.

Под вечер мне не спалось, и, думая, что могло послужить причиной бессонницы, я вдруг поняла, какой поразительной была эта история с овсянкой. Жалобщики сказали, что не сочли себя вправе обратиться к Джейми со своей проблемой – он ведь ничего не знал! – и предпочли решать ее своими силами, буквально ища себе пропитание. К тому же, хорошо зная Джейми, я привыкла, что никаких вопросов, а тем более проблем, у его людей не возникает: обыкновенно он сам знал, что происходит в его владениях, кого нужно приструнить, а кто нуждается в помощи. В результате все оставались довольны, а Джейми знал, кто каким духом дышит на него и почему. Подозревать кого-либо из подчиненных в кознях против себя не было необходимости, по крайней мере арендаторы в Лаллиброхе всегда были откровенны и не обращались бы с просьбами к чужому человеку, если им мог помочь Джейми.

Я твердо вознамерилась поговорить с мужем о том, что творится на корабле, но не застала его за завтраком – он с двумя матросами отправился ловить снетков. В полдень он вернулся, загоревший и радостный, ничего не подозревающий о том, что между ним и командой выросла стена отчужденности.

– Англичаночка, что ты сказала Иннесу? – широкая улыбка свидетельствовала о хорошем расположении духа. – Сидит вот уже полдня в гальюне справа по борту. Дескать, не выйду, пока не опорожнюсь, иначе миссис Фрэзер потребует к себе.

– Ага, вот как. Я обещала поставить ему клизму, если ему не удастся опорожниться до конца дня.

Джейми бросил иронический взгляд в сторону гальюна.

– Ну, коль не справится, сидеть ему там до конца плавания.

– Думаю, что такого больше не повторится, ведь команда снова будет получать овсянку на завтрак.

– Ты хочешь сказать, что сейчас они не получают? – удивился Джейми.

Пока он мыл руки, я рассказывала о том, как бунт против кока не удался благодаря моему вмешательству. Говоря о том, что конфликт удалось погасить, я внимательно следила за тем, как Джейми реагирует на мое сообщение.

– Это должен был решить я. Почему они не пришли с этим ко мне? – На его лицо легла тень.

– Когда-нибудь они бы и пришли, но я узнала об этом раньше, увидев, как корчится Иннес, сидя над люком.

Джейми с помощью пемзы счищал рыбью кровь с пальцев и молчал.

– Ты относишься к матросам по-другому, нежели к лаллиброхским арендаторам? – честно поинтересовалась я.

– Именно так, я отношусь к ним по-другому. Они не то же, что мои арендаторы, – тихо проговорил Джейми, опуская руки в тазик с водой, в которой поплыли чешуйки, похожие на полумесяцы. – Я плачу им и только.

– Но они считают тебя хорошим человеком. Кроме одного, очевидно, – поправила я, вспоминая то, что поведал Фергюс.

– Верно, Маклауд и прочие считают меня хорошим человеком. Все, кроме одного, – в тоне Джейми слышалась издевка. – Если будет нужно, они, вероятно, отдадут за меня жизнь. Да только я не могу ручаться за них, а они – за меня, потому что я почти не знаю их, а они, в свою очередь, меня. А вот Иннес знает меня хорошо, в отличие от остальных.

Джейми кончил мыть руки и вылил воду из тазика. Он хотел отправиться вниз и предложил мне руку, чтобы помочь спуститься, а пока я протягивала ему ладонь, быстро проговорил:

– В битве под Каллюденом погибло не только дело Стюартов, но кое-что большее. Пойдем-ка обедать, мистер Мерфи обидится.

Иннес не пришел ко мне на следующий день, из чего я сделала вывод, что его желудок работает лучше и не беспокоит своего владельца. Однако молчаливый шотландец пришел через неделю с довольно странной просьбой:

– Миссис Фрэзер, не могли бы вы дать мне такое лекарство, которое лечит то, чего нет?

– Чего нет? Не понимаю, – врачебная премудрость еще не зашла настолько далеко, чтобы лечить несуществующее, но мне, конечно, было лестно, что Иннес такого высокого мнения о врачебном деле и обо мне как скромной его представительнице.

В ответ он указал на свою руку, спрятанную в рукав, пустой от плеча.

– У меня нет руки, вы видите. Но иногда она болит. – Краснея и понижая голос, Иннес разоткровенничался: – Поначалу я думал, что тронулся, ведь так не бывает, чтобы болело то, чего нет. Но мистер Мерфи рассказал, что его нога тоже болит временами, а потом Фергюс прибавил, что ему кажется, будто его отрубленная рука шарит по чужим карманам. Значит, такое бывает. А уж если такое бывает, может, врачи знают, как это лечить?

– Ясно, теперь я понимаю. Ваша правда, такое часто бывает, когда человек теряет конечность, но продолжает чувствовать ее, как если бы она была частью его организма. Это так называемые фантомные боли или ощущения. В таком случае...

Терапия фантомного эффекта – это была одна из тех проблем, которыми я интересовалась меньше всего, следовательно, и знала об этом немного. Пытаясь оттянуть время и не потерять доверие пациента, я уточнила:

– Как же вы потеряли руку? Что случилось?

– Заражение, – коротко пояснил Иннес. – Поцарапался гвоздем, и кровь испортилась. Пришлось отрезать.

Я представила, как гангрена охватывает всю руку, и невольно вздрогнула:

– Это очень печально.

– Что вы, миссис Фрэзер, напротив, это была большая удача. Из-за этого меня не сослали, и я избежал такого жесткого наказания. Остальным пришлось хуже.

– Кому – остальным?

Иннес удивился:

– Как же, тем, кто сидел в Ардсмьюире. Я полагал, что Макдью должен был рассказать вам об этом. Когда крепость достроили, англичане решили отправить нас, шотландцев, на принудительные работы в колонии. Так сослали всех, кроме Макдью и меня: он был значительным человеком, а я, понятное дело, не мог хорошо работать без руки. Так что мне очень повезло и я не жалуюсь, разве что на боли.

Иннес показал, как растирает пустой рукав.

– Значит, вы были в тюрьме вместе с Джейми...

Вспоминая слова Джейми о том, что Иннес знает его хорошо, в отличие от остальных, я искала, какое средство из обычных болеутоляющих можно применить в этом случае. Ивовая кора или конская мята с фенхелем? Вряд ли они смогут побороть фантомные боли.

Тем временем шотландец продолжил свое повествование:

– Если бы не он, я бы умер с голоду. Когда Макдью освободили, он отправился меня искать.

Я заметила блеснувший шелк и сообразила, что мистер Уиллоби сможет помочь мне подобрать лекарство, поэтому знаком поманила его к себе.

– Да, как только он вышел на свободу, тут же отправился искать нас. Добрый шотландец. Тех, кого сослали в Америку – а сосланы были все, кроме нас, – уже нельзя было вернуть, но он надеялся. Во всей Шотландии остались только мы. – Иннес повел плечом, и пустой рукав добавил значительности этому нехитрому жесту.

Я обратилась к мистеру Уиллоби в надежде, что он сможет что-нибудь подсказать. К счастью, кое-какие соображения у него имелись, и он быстро придумал, что делать. Я с интересом наблюдала, стараясь ничего не упустить, как китаец, сняв с Иннеса рубашку, с силой нажимает пальцами на некие точки на его спине и шее.

– Рука быть у духов, царство духов, – пояснял мистер Уиллоби, продолжая манипуляции. – Тело есть в верхний мир, рука хотеть вернуться, хотеть быть вместе с телом. Я делать ан-мо, жать-пожать, что прекратить боль. Делать ан-мо – боль не быть. Еще мы сказать рука, пускай не приходить.

– И как же это можно сделать?

Иннес относился к китаю не так предвзято, как остальные матросы: те и вовсе полагали, что мистер Уиллоби грязный извращенец и нечистый язычник, поэтому избегали общаться с ним и не касались его. Иннес же знал мистера Уиллоби уже два года.

Китаец не смог объяснить, что ему нужно, и принялся самостоятельно искать необходимый ему препарат. Найдя сухой перец, он встряхнул склянку со снадобьем и высыпал щепотку на блюдо.

– Госпожа иметь огонь?

Кремень и кресало у меня нашлись. Сухой перец загорелся в мгновение ока, в каюте запахло специями. Мистер Уиллоби оживился, увидев белый дымок, и сказал:

– Дым от фан-яо идти посланцем к призракам, говорить о руке.

Затем он глубоко вдохнул и своим дыханием разогнал облачко, а также незамедлительно плюнул на культу Иннеса.

– Ты, содомит несчастный! Какого черта ты в меня плюешь?! – взревел Иннес.

– Моя плевать на призрак. – Китаец уже отскочил к двери, но объяснил свои действия довольно вежливо. – Призраки не любят плевок, бояться. Они уходить и не приходить больше.

Молчавшая до сих пор, я коснулась руки Иннеса:

– Вам до сих пор больно?

Задумавшись, он забыл о китае, а затем удивленно протянул:

– Знаете, вроде бы и нет. – Бросив хмурый взгляд на лекаря-китайца, он пригрозил: – Все равно не будешь у меня плевать, червяк надутый!

– Нет, моя не плевать больше, – отозвался обиженный мистер Уиллоби. – Теперь плевать твоя – пугать твоя призрак.

Шотландец запустил руку в волосы, не понимая особенностей китайской медицины.

– Черт побери, – бормотал он, натягивая рубаху. – Миссис Фрэзер, лучше уж я буду пить ваш чай, чем вот так плевать.

Глава 44

Силы природы

– Я олух! – оповестил Джейми, наблюдая за общением влюбленных Фергюса и Марсали, ничего не замечавших вокруг, кроме друг друга.

– Отчего же? – пожелала знать подробности я, хотя, по сути, догадывалась, о чем пойдет речь.

Команда, как едва оперившиеся юнцы, так и старые, но от этого не менее brave матросы, немало забавлялись, созерцая, как две семейные пары изнывают от желания, но никак не могут его удовлетворить. Таким образом их вынужденное воздержание немного скрашивалось от понимания того, что семейным людям временами тоже приходится несладко.

– С тех пор как мы расстались, я все это время мечтал уложить тебя рядом с тобой и насладиться всем тем, чем может наслаждаться мужчина, находясь рядом с женщиной. А вместо этого я вынужден, подобно юноше, прятаться за перегородками и слушать, не идет ли кто, не могут ли нас услышать, – возмущенно говорил Джейми. – И так уже месяц! А чего стоит Фергюс: он так и ждет, чтобы подловить нас! Черт возьми, что у меня было в голове, когда я соглашался на это!

Он бросил суровый взгляд на парочку, которая обнималась на виду у всех, впрочем, ничуть не нарушая этим уговора.

– Ты относишься к Марсали как отец или хотя бы как отчим. Ведь ей всего пятнадцать. Так что здесь нет ничего удивительного.

– Ну да, так-то оно так. Да только в благодарность за отеческую заботу я теперь не могу коснуться собственной жены, вот какие пироги!

– Ну почему же, – мягко возразила я, – касаться меня можно, отчего нет, – здесь я продемонстрировала эту возможность, лаская ладонь Джейми большим пальцем. – Но вот о чем-то большем, разумеется, речи идти не может. Придется тебе попридержаться своей похоти в узде.

Мы честно пытались любить друг друга, сколько это было возможно на корабле под перекрестным огнем взглядов команды и Фергюса, трясаясь от смущения и страха, словно в самом деле были парой подростков. «Артемиды», конечно, не была предназначена для любовных утех, поэтому нам негде было скрываться, а единственная наша вылазка в трюм, которая могла увенчаться успехом, кончилась бесславно: огромная крыса взобралась на плечо Джейми. Он не стал продолжать начатое, а я впала в истерику.

Джейми бросил быстрый взгляд на мою руку, ласкавшую его, и взял мою ладонь в свою, предварительно тронув меня за запястье. Мы ласкали друг друга постоянно, но это, конечно, был плохой способ удовлетворить желание, поскольку он разочаровывал нас и только распалял еще больше.

– Хорошо, могу сказать в свою защиту, что я руководствовался благими намерениями, – улыбаясь, шуточно оправдывался Джейми.

– О да. Тебе известно, куда они ведут?

– Кто, намерения?

Я попыталась сдержать себя, чтобы меньше чувствовать его жгучее прикосновение к запястью. Недаром мистер Уиллоби придавал такое значение науке воздействия на различные точки на теле человека.

– Ну да. Говорят, что они ведут в ад.

Я сделала попытку высвободить свою ладонь из лапищи Джейми, но мне это не удалось: удерживая меня, он смотрел, как Фергюс смежит Марсали, щекоча пером альбатроса у ней под подбородком.

– Ты права, англичаночка. Я ведь хотел, чтобы Марсали хорошенько подумала, нужен ли ей французишка, да и вообще – хочет она замуж или нет. Все еще можно отмотать назад, пока не поздно. А что в итоге? Желая поступить как лучше, я получил только то, что лежу ночами без сна, гоня мысли о тебе и слыша, как Фергюс хочет Марсали. А с утра я должен краснеть при виде матросских ухмылок, которые они прячут в бороды!

Поскольку мимо как раз проходил юнга Мейтленд и хотя у него не было бороды, бедняга представлял сейчас всю команду, ему-то Джейми и послал испепеляющий взгляд, заставивший мальчика бежать что есть духу.

– погоди, что ты хочешь этим сказать? Что значит «слыша»? Как ты можешь слышать, если человек не возится и не стонет?

Мой вопрос смутил шотландца.

– Ну... – протянул Джейми. – Как бы тебе объяснить, чтобы ты поняла? – Нос его покраснел от резкого ветра. Или не только от него? – Ты можешь приблизительно представить, что делают мужчины в тюрьме, когда им хочется любить женщину?

– Да уж представляю, – бросила я.

Интересно начался наш разговор об Ардсмьюире. Что-то я не особо чувствовала интерес к этому деликатному моменту жизни узников.

– Могу догадаться, что ты вообразила. Но отчасти ты права: заключенные, желающие женщину, должны выбирать, спать ли им друг с другом, удовлетворять свои потребности самим либо сойти с ума.

Он прервал излияния и посмотрел в морскую даль, затем покосился на меня.

– Англичаночка, как ты считаешь, я сумасшедший?

– Преимущественно нет, но вообще да, – призналась я.

Джейми издал короткий смешок, похожий на фыркание, и погасил улыбку.

– Я думал, что есть граница человеческого терпения, за которой начинается безумие. Временами мне казалось, что это лучшее, что могло произойти со мной в тюрьме. Содомитом я не стал, да ты уже, верно, догадалась.

– Представляю, каково же тебе было.

Многие мужчины ни за что бы не пошли на такое, чувствуя непреодолимое отвращение и страх при мысли об использовании другого мужчины, но в исключительных обстоятельствах, возможно, согласились бы, не имея другого выхода. Джейми был не из них. В тюрьме Джека Рэндолла он пережил такое, что лучше было бы сойти с ума, нежели стать содомитом.

Переведя взгляд с морской глади на свои руки, державшиеся за борт, Джейми глухо проговорил:

– Я обещал Дженни не сопротивляться, но не смог. Когда солдаты схватили меня, я отчаянно противился им. Она так боялась, чтобы меня не убили при попытке бегства или при аресте, а я не смог отдать себя задешево, хоть сам заварил эту кашу.

Правая рука была повреждена, и, сжимая ее, Джейми показал, что безымянный палец не сгибается вовсе из-за сломанного второго сустава, даже если пальцы собраны в кулак. Средний палец хранил шрам, тянувшийся на две фаланги.

– В третий раз он сломался о челюсть драгуна, – сказал Джейми, качая безымянным. – При Каллодене был второй перелом. Но это мелочь, то, что я был закован с ног до головы, было гораздо серьезнее.

– Да уж.

Думаю, любой человек, а не только я, жена Джейми, почувствовал бы горечь и боль при мысли о том, что человек, полный жгучего желания жить и любить, вынужден влачить жалкое существование в тюрьме, будучи беспомощным узником, подчиняясь чужой воле.

– Понимаешь, они контролируют нас всецело, там нет места, чтобы уединиться. Это много хуже, нежели быть закованным. Денно и ночью мы предстаем их взорам, словно голые

на улице. Забыться можно только во сне, но какое жестокое пробуждение ожидает уснувшего! Они не влезли разве что в наши головы, но очень хотели бы это проделать.

Джейми хмыкнул и поправил волосы.

– Только ночь может подарить узнику хоть немного места. Сидя в темноте, ты не существуешь для них, если только они не влезут к тебе со свечой, понятное дело. Ты можешь глубже уйти в свои мысли, чуточку спрятаться от этого всего.

В маленьких камерах все равно было холодно, так что заключенные сидели, касаясь друг друга спинами и плечами. Не было ничего, что могло бы защитить их, разве что потемки, царившие до прихода стражника со свечой.

– Больше года я сидел закованный, словно привязанная для убоя свинья! Вот так, – он развел руки, чтобы расстояние между ними составляло восемнадцать дюймов, и резко остановился, – ни дюймом больше, ни дюймом меньше. Цепи звенели при любом движении...

Плотские потребности властно требовали своего, и Джейми вынужден был, стгорая от стыда, укрываться во тьме, чутко прислушиваясь к неясному бормотанию и ожидая звуков, свидетельствовавших о том, что он может удовлетворить себя, не опасаясь того, что его услышат.

– Англичаночка, веришь или нет, да только я теперь слышу на расстоянии, когда мужчина хочет, а не только когда он уже возится. Что уж говорить о французе – этот никогда себя не сдерживает.

Все это время Джейми держал руки разведенными на восемнадцать дюймов, а ладони сжатыми в кулаках, но теперь он резко развел руки шире, словно освобождаясь от оков. В его глазах я увидела затаенную боль и гнев, вызванный воспоминаниями, а также желание жить, заставившее его вынести все невзгоды и одиночество, вызванное нашей разлукой.

Мне казалось, что вокруг никого нет, но это было не так: жизнь на корабле кипела, обыденные заботы гнали матросов от одного борта к другому, кто-то карабкался по реям, кто-то прыгал в трюм. Мы же принадлежали сейчас друг другу и в то же время не могли принадлежать так, как хотели бы этого.

Джейми сейчас не скрывал своих чувств и откровенно заявлял о своем желании. Я посмотрела на его руку и подумала:

«Если я коснусь его, он возьмет меня прямо здесь, на палубе, не посмотрев, что мы на людях».

В ответ на мое предположение он взял мою руку и положил на свое бедро, сильно сжав.

– Англичаночка, сколько раз ты принадлежала мне после твоего возвращения? Несколько раз тогда, у мадам Жанны. Потом в вереске, затем в Лаллиброхе, и в последний раз в Париже.

Джейми постучал мне по запястью.

– Ничто не может удовлетворить моего желания. Мне постоянно хочется тебя, причем меня возбуждает один запах твоих волос, не говоря уже о том, когда ты случайно касаешься меня за обедом. А сейчас – ветер рвет твоё платье и облепляет твою фигуру!

Теперь я уже не сомневалась, что он покраснел не только от ветра.

– Иногда мне кажется, что за медный пенни я задрал бы все твои юбки и прижал бы тебя спиной к мачте! Пускай матросы порадуются.

Инстинктивно я сжала его ладонь, а он успел и ответить мне таким же сильным пожатием, и кивнуть кано́ниру.

Звон колокола, звавшего к капитанскому обеду, заставил меня вздрогнуть: я стояла как раз над ним, и металл завибрировал сквозь доски палубы. Фергюс наконец оставил в покое подбородок Марсали, но не выпустил ее из объятий, матросы забегали быстрее, готовясь сменить вахтенных, но мы продолжали стоять у бортика, возбужденные и ненасытные.

– Мистер Фрэзер, капитан приглашает вас к обеду. Велел вам кланяться.

Мейтленд, помня реакцию Джейми, говорил вежливо, но держался подальше.

Судя по вздоху, Джейми готов был остаться без обеда, только бы иметь возможность побыть со мной.

– Спасибо, мистер Мейтленд. Мы обязательно придем.

Еще один вздох свидетельствовал о нежелании Джейми идти куда бы то ни было, но он поборол себя и предложил мне руку:

– Ну что, англичаночка, идем отобедаем?

– Постой-ка.

Я наконец нашарила в глубоком кармане необходимую мне вещь и опустила ее в раскрытую ладонь Джейми.

Это была монетка, изображавшая Георга Третьего, что немало удивило Джейми.

– Аванс, – ответила я на его недоуменный взгляд. – Идем отобедаем.

На следующий день мы вновь прохаживались по палубе: погода особо не баловала теплом, но лучше было дышать холодным воздухом, нежели сидеть взаперти в затхлых каютах. Делая круг по палубе, то есть идя в одну сторону вдоль одного борта, а в другую – вдоль другого, Джейми остановился, чтобы поведать мне кое-что из своего опыта работы печатником.

Под грот-мачтой восседал мистер Уиллоби. Он сидел по-турецки, свободно водя кисточкой, обмакнутой в черную тушь, по белой бумаге, оставляя на белоснежном листе на удивление четкие следы. Кисточка порхала в его руках, словно мотылек.

Китаец писал иероглифами сверху вниз, и знаки, которые он выводил, образовывали столбик. Со стороны казалось, что это очень легко, но, по-видимому, это умение требовало труда и терпения. По крайней мере мистер Уиллоби выглядел как мастер танцев или фехтования, поражавший воображение кажущейся простотой движений.

Впрочем, матросы, казалось, ничуть не были изумлены мастерством китайца, более того – они не замечали его и ходили так близко, что едва не задевали плитку туши, лежавшую на его носке, а один матрос почти что наступил на бумагу, но, не удовольствовавшись этим, чуть погодя прошел мимо еще раз и все-таки опрокинул тушь.

Второй моряк, который ходил так же мимо китайца прежде, но не смог уронить плитку, теперь стоял над крохотным мистером Уиллоби и сетовал:

– Поди-ка, так заляпать палубу, а! Капитан, чай, не порадует. – Внезапно какая-то мысль осенила его, и он ядовито улыбнулся. – Малец, а не вылизать ли тебе палубу, раз такое дело?

– Да, верно. Пускай вылизет! – отозвался второй матрос и придвинулся к китайцу, закрывая ему свет.

Мистер Уиллоби напряженно прищурился, но занятия своего не бросил и в таких условиях дорисовал второй столбец. Ему даже удалось поставить плитку с тушью на свой носок и начать третий столбец.

– Слышишь ты или нет, желтая крыса! Ну-ка живо... – первый матрос, опрокинувший тушь, донимал китайца и не перестал бы, если бы не Джейми, быстро бросивший платок на пятно, образовавшееся на палубе.

– Простите, джентльмены, но я что-то уронил, – рокоchущим голосом произнес Джейми, не скрывая своего раздражения.

Кивнув «джентльменам», он скомкал платок так, что тот вобрал в себя всю тушь, а на палубе осталась махонькая клякса.

Матросы помялись, а поймав взгляд Джейми, составлявший контраст с вежливой улыбкой, сочли нелишним ретироваться.

– Идем, Джо, на корме заждались, – потянул один другого за рукав.

Джейми же сунул платок за обшлаг рукава и двинулся в мою сторону, не глядя по сторонам.

– Англичаночка, согласишься, что сегодня прекрасный день. – Он утрированно поглазлел в облака, запрокинув голову, потом глубоко вдохнул и заметил: – А воздух, воздух-то какой!

– Обычный день, не вижу ничего особенного. Да и воздух, признаться, обыкновенный.

Здесь я немножко слукавила: туда, где мы стояли, доносился запах дубленой кожи, лежавшей в трюме.

– Хорошо, что ты помог китайцу. Но, может быть, стоит отправить его в каюту, например, к нам с Марсали, где его никто не будет задевать? – поинтересовалась я, давая Джейми место подле себя.

Он резко выдохнул через нос.

– Нет, я уже пытался. Предлагал ему свою каюту или обеденный стол в кают-компании, но он не хочет, вредный осел.

– Возможно, на палубе лучше видно? – Правда, вид китайца, скрючившегося под грот-мачтой, не внушал такой надежды. – Хотя сомневаюсь, что ему там удобно.

Налетевший ветер едва не забрал у мистера Уиллоби его бумагу, но китаец упорно не желал покинуть палубу, держа одной рукой лист, а другой ловко орудуя кисточкой.

– Да ничуть ему там не удобно! – взревел Джейми, отчаянно теребя в волнении шевелюру. – Он делает это специально, это же и ежу понятно. Ему нравится, как матросы злятся.

– Значит, своей цели он добился: команда явно настроена против него. Только для чего ему это?

Джейми повис на перилах.

– Сложно сказать. Точнее, нельзя сказать однозначно. Ты что-нибудь знаешь о китайцах, встречалась с ними раньше?

– Одно время. Но сейчас они уже не те: никаких кос, никаких пижам и никаких разговоров о женских ногах. Я, по крайней мере, ничего такого не слышала.

Теперь Джейми встал ближе ко мне, и его рука касалась моей.

– В ногах-то все и дело. Наверное, в это сложно поверить, но это так. Одна из девушек мадам Жанны, Жози, поведала об этом Гордону, а от него узнали все.

– И что с ногами? Что там такого можно выдумать? – заинтересованно спросила я.

Джейми прочистил горло и заметно смутился:

– Это немного странно и, в общем, не...

– Да выкладывай уже, не томи. Не думай, что можешь меня напугать или что-нибудь в этом роде. Во-первых, я врач, а во-вторых, многое повидала и большую часть видела вместе с тобой, кстати.

– Понимаешь, китайцы бинтуют ноги девочкам из богатых семей.

– Что-то в этом роде я слышала. – Поскольку, по моему мнению, этого было недостаточно, чтобы раздуть такой скандал, я добавила: – Ну да, а что здесь такого? Согласна, странный обычай, зато благодаря этому у них небольшие изящные ножки, не то что у нас.

– Изящные? Да ты не знаешь всего! Рассказать, как это проделывают? Девочке, не старше года, подгибают пальцы ног, чтобы они касались пяток, и так бинтуют, очень туго.

– О господи!

– Именно. Снимают бинты только для того, чтобы снова надеть их после мытья ног. Таким образом добиваются того, что пальцы сгнивают – сгнивают! – и отпадают. Когда малышка вырастает, ее стопа превращается в бесформенный комок размером с мой кулак, – здесь Джейми стукнул кулаком по перилам, – но девушка считается красавицей. Дикий обычай.

– Кошмар... Но я не понимаю, при чем здесь...

Бросив беглый взгляд на мистера Уиллоби, я удостоверилась, что он не слышит меня, потому что ветер дул в мою сторону. Но даже если бы он захотел подслушать нас, вряд ли он так хорошо понимал английскую речь.

Джейми раскрыл ладонь и спросил:

– Если моя ладонь – это стопа, что будет, если пальцы подогнуть к пятке?
Чтобы я яснее представила, он согнул пальцы, но я все равно не понимала.

– Что будет? А что должно быть?

Тогда он сунул палец второй руки в кулак и произвел характерный жест.

– Получится дырка, сечешь?

– Да ну нет, ты сочиняешь! Не обманывай меня! Не может быть!

Джейми снисходительно улыбнулся:

– Это правда, англичаночка. К сожалению, это правда, они так делают. Китайчонок утверждает, что для мужчины это самый хороший способ почувствовать неземное удовольствие.

– Ох он и извращенец!

Мой праведный гнев рассмешил Джейми.

– Матросы того же мнения, что и ты, представь. Конечно, европейки выглядят иначе, но у меня есть подозрение, что мистер Уиллоби не отчаивается и пытается добиться, чтобы его любили таким фантастическим образом.

Теперь стали ясны причины такого настороженного, если не сказать враждебного отношения команды к мистеру Уиллоби. К своему удивлению, я поняла, что хоть матросы и отпускают соленые шуточки, к женщинам они все же относятся романтически по той простой причине, что очень редко видят девушек и еще реже с ними общаются.

Я послала китайцу недружелюбный взгляд, который, конечно, он не мог заметить.

– Хорошо, с женщинами ясно, а моряки? Что они ему сделали?

– Здесь уже идейные соображения, – съязвил Джейми. – Мистер И Тьен Чо полагает, что жители Поднебесной – люди, а все прочие – варвары.

– Ого...

Как на грех, немытые ноги Броди Купера как раз проворно спускались по вантам, и мне подумалось, что отчасти китаец прав.

– Ну хорошо, а ты тоже варвар?

– Ну конечно, англичаночка, кем же мне еще быть, как не варваром. Мистер Уиллоби называет меня дурно пахнущим гао-фе, что по-китайски значит «демон-чужеземец». К этому он добавляет «хуан-шу-лан», то есть я еще и вонючий, подобно хорьку, если я ничего не путаю. А моя морда походит на морду горгульи.

– Неужели ты слышал это от него самого?

Как-то не верилось, чтобы китаец благодарил за спасение жизни таким странным образом, но Джейми резко заявил:

– Разве не знаешь, как алкоголь действует на плюгавых мужчин? Едва пригубив, они уже несут околесицу, из которой следует, что они могучие плечистые великаны, а все вокруг – пигмеи. Бренди действует чудесным образом, прямо волшебный эликсир, от которого самомнение возрастает в разы.

Кивнув в сторону мистера Уиллоби, истово сидевшего под мачтой, Джейми продолжил:

– Будучи трезвым, он говорит не так много, но, будь уверена, в мыслях он обзывает тебя последними словами. Беспреданно злится, потому что понимает: кабы не я, он бы давно уже не жил – выбросили бы в море через окошко. Да и сейчас тоже могут выбросить.

Я сообразила, отчего мы стоим на палубе и отчего проходящие мимо матросы посылают в сторону китайца свирепые взгляды, но не решаются его тронуть: Джейми защищал своего странного друга, из-за которого столько раз попадал в передряги, но был готов рискнуть ради него снова.

– Выходит, что китаец жив только твоими молитвами и вообще питается за твой счет, и при этом поносит тебя последними словами! Вот и думай о человеческой благодарности...

– Что поделать.

Джейми убрал со лба прядь волос, выбитую ветром, и приблизился ко мне так, чтобы наши плечи почти касались.

– Он может говорить что ему заблагорассудится, потому что по-китайски никто не понимает. Кроме меня.

– Да? Как же он общается?

Я положила ладонь на ладонь Джейми.

– Конечно, я не специалист по китайскому языку, правду говоря. – Джейми опустил глаза и принял сосредоточенное выражение. – Но я прекрасно знаю, что значит жить, когда у тебя есть только гордость и единственный друг. Поэтому я считаю, что понимаю его как никто другой.

Мне подумалось, что этим единственным другом Джейми был, скорее всего, Иннес, если исходить из рассказов последнего. Я тоже знала, что значит иметь всего лишь одного друга, которому можно по-настоящему довериться, – я знала это благодаря Джо Эбернети.

– Знаешь, я понимаю тебя. У меня была похожая ситуация в больнице...

Неистовый крик не дал мне закончить фразы: кричали из камбуза, находившегося под нами.

– Тысяча чертей! Пускай жарят тебя на сковородке в кипящем масле! Проклятое свиное рыло! Вонючий ублюдок!

Проклятия звучали все громче, и матросы уже удивленно поглядывали на люк камбуза, соображая, что кричат оттуда. Взбешенный кок не замедлил явиться из люка, высунув оттуда голову в черном платке, и осыпал нас новой порцией брани:

– Вы, жирные лентяи! Какого лешего вылупили баньки? Пожиратели говна! Шевелите мозгами и ползите сюда! Дайте двух увальней, пускай поработают немножко! Или вы думаете, что я буду таскать это дерьмо сам? На одной ноге да туда-сюда по трапу? Живо вытащите эту гадость и за борт ее, за борт! Да немедленно!

Отдав такое распоряжение, мистер Мерфи скрылся в люке. Пикар вскинул брови и приказал молодому матросу спуститься в камбуз.

Довольно быстро мы поняли, в чем дело: в кухне загромычала тяжеленная посуда и донесся мерзкий запах.

– О боги, что это?

Я быстро достала носовой платок: дни, проведенные на «Артемиде», приучили меня всегда иметь при себе кусочек ткани, смоченный грушанкой, для облегчения дыхания в условиях вонючки.

– Что так мерзко пахнет?

– Думаю, чтодохлая лошадь, – отозвался Джейми, зажимая длинный нос. – Запах говорит о том, что она сдохла несколько месяцев назад, никак не позже.

Моряки, стоявшие вокруг, не выбирали выражений и откровенно говорили, что думают по поводу этой вонючки на борту. Из люка была вытащена громоздкая бочка, которую теперь кантовали по палубе Мейтленд и Гросман. Их зеленые физиономии и отвратительная желто-белая масса, колыхавшаяся в бочке, очень походившая на копошащихся червей или личинок, дополняла картину и заставляла думать о том, что кок недаром устроил разнос команде.

– Гадость! – прошипела я.

Ребята тащили бочку молча, но им, по всей видимости, тоже хотелось сказать пару словечек покрепче моего. Подкатив свою ношу к борту, они с видимым усилием перебросили ее в море.

Матросы, не занятые вахтой, ринулись смотреть, как бочка качается в кильватере. Мистер Мерфи тоже был здесь – он витиевато описывал свое отношение к поставщику, у которого купил будто бы свежую конину. Один из моряков, итальянец Манцетти, невысокий ростом и с собранными в конский хвост волосами, клал порох на полку.

– Здесь акула. Отличная еда, если пристрелим, – объяснил он, сверкая белозубой улыбкой.

– Да, коль уж повезет, – отозвался Стерджис.

Так, значит, они собираются убить акулу из мушкета прямо с корабля! Матросы сгрудились поглазеть, как будут убивать акулу. Мне было известно, что здесь водятся акулы, более того – я сама видела, как темные тени легко плывут за кораблем, помогая себе серповидными хвостами. Мейтленд показал их мне вчера ночью.

– Глядите!

Несколько матросов вскричали одновременно, завидев, как бочка со зловонным содержимым подскочила от удара и завертелась. Манцетти навел мушкет на бочку. Бочка дернулась еще несколько раз подряд, но итальянец не спешил стрелять.

В воде было тяжело что-либо рассмотреть, но над водой можно было заметить быстрое движение, за которым последовал толчок. Когда бочка крутилась, я увидела, как над водой появился спинной плавник громадной рыбы. Манцетти выстрелил. Звук выстрела получился не очень громким, зато облачко дыма понесло ветром мне в глаза.

Моряки, наблюдавшие за процессом, закричали, из чего я сделала вывод, что Манцетти попал. Бурое пятно на воде вокруг бочки говорило о том же.

– Но куда попал итальянец – в акулу или в бочку? – поинтересовалась я у Джейми.

– Вообще говоря, в бочку. Зато выстрел знатный.

Манцетти выстрелил еще, затем еще раз. Бочка, подталкиваемая акулами и вертевшаяся от выстрелов, плясала в воде; дерево разлеталось от ударов акульих зубов, и под ним на воде выступала кровь. Морские птицы не замедлили явиться, чтобы полакомиться кониной, и ныряли вниз.

– Не выйдет. Я не попаду в акулу – очень далеко, – заявил Манцетти, утирая лоб рукавом.

От напряжения он вспотел и был весь мокрый. Пороховая гарь осела ему на лицо и на одежду, так что рукав, которым он утирался, оставил на его физиономии белую полосу, сделавшую его похожим на енота.

– Акуля вырезка – неплохое лакомство, – произнес капитан, тоже наблюдавший за бесплодными попытками итальянца убить акулу. – Месье Пикар, как вы смотрите на то, чтобы спустить лодку на воду?

Боцман, которому был адресован вопрос, согласился с этим рискованным предложением и отдал приказ спустить лодку. В нее поместились вооруженный Манцетти и трое матросов, державших веревки и остроги, предназначенные для убийства. «Артемиды» круто заложила к ветру и приблизилась вплотную к тому, что осталось от бочки.

Разумеется, к этому времени о бочке напоминали только щепки да обломки, но акулы не желали покидать это место, разрезая морскую гладь острыми плавниками. К ним присоединялись галдевшие и кружившие над ошметками птицы.

Одна из пернатых стала жертвой своего алчности: акула, выпрыгнув из воды и разинув зубатую пасть, проглотила птицу и скрылась в глубине.

– Ух ты... – поразила я.

Оказывается, видеть акульи зубы вживую – зрелище куда более впечатляющее, чем созерцать фотографии из «Нэшнл джиографик». Заостренное рыло и пасть, вся в крови, бьющаяся в конвульсиях птица...

На Джейми это тоже произвело должное впечатление:

– «Бабушка, к чему тебе такие зубы?» – пришла ему на ум фраза из сказки. Признаться, лучше наше впечатление передать было нельзя.

– Да уж, насчет зубов не беспокойтесь – они у них будь здоров! – Мистер Мерфи был очень оживлен и даже, я бы сказала, плотояден. – Зато мозгов у акул почти нет, поэтому даже если засадить глупой рыбине пулю промеж глаз, это ей не помешать жить, поверьте.

Наблюдая за тем, как Манцетти и другие матросы пытаются приблизиться к остаткам бочки, Мерфи погрозил кулаком акулам и крикнул сидящим в лодке:

– Манцетти, если ты забьешь хотя бы одну из этих тварей, я самолично презентую тебе бутылку доброго бренди!

– Ммм, мистер Мерфи... Вы так возбуждены. Какие-то личные счеты или вы просто желаете приготовить изысканное блюдо из акульего мяса? – спросил Джейми.

– Все сразу, мистер Фрэзер. Я не могу определить, что же мной движет более всего. – Притопнув деревяшкой, кок изрек: – Гадины знают, какой вкус имеет старина Мерфи, но и я знаю, что такое акулье мясо! Нет лучшего лакомства для мистера Мерфи, старого кока!

Тучи круживших над бочкой птиц закрывали лодку, а крик, издаваемый ими, заглушал все звуки, однако наивно было полагать, что яростный рев мистера Мерфи можно заглушить.

– О, стейк с горчицей! Печень с пикулями, томящаяся на огне! Суп из акулих плавников! – кок предвкушал, как поквитается с животными. О сладость мести! – Желе из глаз акулы! Будешь знать, проклятая гадина! Ты попомнишь старого Мерфи!

Тем временем итальянец целился в одну из акул. Поскольку звуков, как я уже сказала, не было слышно, мы поняли, что он выстрелил, по белому дымку над ружьем. Затем произошло что-то совсем непонятное: я увидела мистера Уиллоби.

Все люди, толпившиеся на палубе, всю глазели на охоту, так что никто не видел, чем занят китаец. А он прыгнул с корабля прямо в открытое море, к акулам. Вокруг шлюпки с Манцетти и тремя матросами кипела битва, и маленький китаец направился прямо туда, в звериное логово. Мы увидели его, только когда бритая макушка показалась из воды. В руках мистера Уиллоби билась большая птица. Видимо, она не могла избавиться от его цепкой хватки и била крыльями по воде, взбивая пену.

Не сдержавшись, я вскричала от страха за мистера Уиллоби. Джейми, не видевший китайца в воде, обернулся на мой вопль, секунду раздумывал, а после вскочил на поручни и плюхнулся в воду, мгновенно уйдя на глубину. Мерфи издал удивленное восклицание, а я завизжала.

К нашим крикам добавились крики команды и, в довершение всего, вопль Марсали, режущий барабанные перепонки. Холодея от ужаса, мы видели, как Джейми выныривает возле китайца и хватает его за шею, уворачиваясь от взмахов гигантских крыльев морской птицы. На какую-то долю секунду мне показалось, что Джейми может бросить мистера Уиллоби, если тот не выпустит птицу, но он начал двигаться к «Артемиде» вместе с китайцем и его добычей.

В лодке тоже закричали, но то был торжествующий крик. Одна из акул, проколота острой и обвязанная веревкой, следовала за шлюпкой – это событие и стало причиной радостных возгласов, которые, однако, быстро смолкли, стоило матросам заметить Джейми в воде.

С «Артемиды» бросили тросы, но матросы беспорядочно бегали по палубе, не понимая, кому помогать в первую очередь.

Джейми вместе с его «добычей», то есть с китайцем и с его добычей, был втянут на правый борт корабля, где он бессильно прислонился к борту, закрыв глаза, а животное, должное служить лакомством для мистера Мерфи и капитана, трепыхалось у левого борта, ожидая своей участи. К слову, несколько кусков мяса из нее были уже вырваны другими акулами, ее сородичами.

– Господи... – выпалил Джейми.

Сейчас он был похож на рыбу, внезапно вытащенную из воды.

Я принялась утирать его лицо юбкой, а он лежал плашмя на палубе и хватал воздух ртом. На мой вопрос, в порядке ли он, Джейми только ухмыльнулся.

– Господи ты боже мой! – он сел рывком и зачихал. – Думал было, что мне пришел конец. Моряки оказались дураками: потащились со своей лодкой к нам с китайцем, а ведь с ними была загарпуненная акула! Все эти твари и рванули следом...

Джейми водил рукой по икрам:

– Англичаночка, я до жути боялся, что они откусят мне ногу. Веришь ли, никогда ничего не боялся, как этого. Лучше лишиться жизни, чем ноги. Не сердись.

– Раз и жизнь сохранил, и нога в сохранности, тогда не буду, – сухо сказала я.

Как и следовало ожидать, нервное напряжение и резкое погружение в воду дали себя знать: Джейми начала бить дрожь. Я отдала ему шаль и решила поглядеть, где сейчас спасенный в который раз китаец.

Мистер Уиллоби сидел неподалеку со своей добычей, ради которой все и затеял, – это был молодой пеликан. Неудивительно, что китайцу так тяжело было удерживать птицу, ведь она была размером почти с него самого, зато его усилия были вознаграждены, и теперь он занимался только им, не обращая ни на кого внимания. Команда не сдерживала своих чувств и осыпала мистера Уиллоби и его причуду самой отборной руганью, но крошка китаец находился под невольной защитой своего воспитанника, чей громадный клюв действовал на моряков устрашающе.

С другой стороны палубы доносились звуки разделывания туши. Моряки встретили это событие торжествующими возгласами и начали полосовать шкуру акулы, только что разрубленную пополам мистером Мерфи. Сам кок сиял от удовольствия, неся окровавленный топор и обрубок хвоста. В его руке была сетка с акульей печенью внушительных размеров.

– Ну как оно, а? – мистер Мерфи сунул хвост под мышку и потянулся к Джейми, чтобы взъерошить ему волосы в отеческом жесте. – Признаться, я не думаю, что стоило спасать китайца, но ваш поступок в любом случае заслуживает уважения. Вот, сварю похлебку из хвоста – отменное средство против простуды.

Идя к камбузу, мистер Мерфи продолжал размышлять, какими блюдами побаловать команду.

– К чему китайцу пеликан? – задала я Джейми этот вопрос в надежде, что он знает ответ, но он только пожал плечами и утерся рукавом рубашки.

– Кто его знает. Может, очередная причуда. Наверное, хочет съесть, иначе ума не приложу, зачем потребовалось так рисковать.

Кок уже ступил на трап, чтобы идти в кухню, но услышал наш разговор и решительно заявил:

– Пеликан – не та птица, которую стоит есть: от нее несет рыбой. Но вообще неясно, откуда он здесь, ведь они не летают в открытом море, тяжело им, с такой-то потешной фигурой. Штормом, что ли, принесло.

Наконец мистер Мерфи исчез в камбузе, приговаривая, как будет управляться с петрушкой и перцем.

Джейми хлопнул себя по лбу:

– Наверное, писать ему нечем, вот и решил пустить птичьи крылья на перья. Англичаночка, идем-ка вниз, я высушу одежду.

Тон его был шутливый, но я ясно видела, что он озирается по сторонам, как заговорщик. Нас никто не видел: матросы толпились над акулой, а Фергюс, чье внимание было таким нежеланным для Джейми, рассматривал отрубленную акулью голову вместе с Марсали. Мы поняли друг друга с полуслова.

Хватило тридцати секунд, чтобы мы влетели в каюту. Волосы Джейми еще не высохли, и теперь соленая влага скапывала мне на плечи и грудь, скользя под платье, дразня и возбуждая, а его губы, напротив, были жарки и настойчивы. Несмотря на то что еще пять минут назад он барахтался в открытом океане, его тело под мокрой рубахой было горячим.

– Проклятье! Я не могу стащить штаны – они прилипли ко мне! – вскипел Джейми, когда понял, что не сможет удовлетворить страсть так быстро, как ему хотелось бы.

Он нервно подергал за шнурок, но тот не поддавался: вода с большим содержанием соли намертво зафиксировала узел в том положении, в каком Джейми завязал его, надевая штаны.

– Есть нож? – осведомилась я, понимая, что нужно будет прибегнуть к радикальному решению проблемы.

Смотреть, как Джейми пытается вытащить рубаху из штанов, было и смешно, и грустно, поэтому я бросилась к столу, полагая, что найду там нож. Отметая в сторону все, что не было необходимо, я, конечно, произвела беспорядок на столе, но все же нашла требуемый предмет – костяной ножик, предназначенный для открывания писем. Схватив его, я немедленно ринулась к Джейми, но, видимо, схватила его за штаны слишком резко, потому что он вскрикнул:

– Англичаночка, умоляю, не так резво! Ты что, надеешься меня оскотить? Тогда нет смысла снимать штаны, если ты и так справишься.

Как бы мы ни были возбуждены, такое заявление вызвало дружный приступ смеха.

– Смотри!

Джейми влез в хаос, располагавшийся на его койке, и нашел там кортик, которым не замедлил помахать перед моим носом. С помощью кортика, которым он не боялся обрезать, проблема со шнурком решилась очень быстро, и Джейми, схватив меня в охапку, усадил на стол. На пол полетели бумаги, перья и, очевидно, чернила, потому что я успела услышать стук тяжелого предмета по полу. Джейми рывком поднял все мои юбки и навалился на меня, раздвигая таким образом мои бедра. Соленая рубаха обожгла мой живот и заставила меня вскрикнуть, но еще больше я завозилась, когда услышала шаги у двери.

– Стой, сюда идут! – зашипела ему я, но Джейми, похожий на огненную саламандру в мокрой шкуре, ответил только:

– Нет уж, теперь я немедленно возьму тебя!

Резким толчком он раскрыл меня, и я укусила его за его плечо, чувствуя ткань на вкус, но это не помогло.

После нескольких толчков я обхватила его ногами и уже не боялась, что кто-то увидит нас.

Джейми взял меня быстро и глубоко как никогда. Он снова входил в меня, содрогался и рычал, стоя передо мной.

Каюта его была разгромлена всего за несколько минут, и когда Иннес открыл дверь спустя время, мы еще не успели ничего убрать. Правда, я уже была одета, хотя и наспех, на Джейми же, сидящем на табурете, была только рубашка. Он закидывал назад волосы из растрепавшейся шевелюры.

Иннес промолчал, но крылья его носа дернулись. Так же молча он вошел в каюту и вытащил бутылку с бренди из-под койки, приветственно кивнув мне перед этим.

– Китайцу. У него теперь простуда, – объяснил шотландец причину этого ограбления.

У двери он остановился и проговорил, обращаясь к Джейми:

– А ведь вы тоже можете обратиться к коку за средством от простуды. Закажите ему какой-нибудь бульон, Макдью. Даже если взмокнешь после труда, можно простудиться, не говоря уж о той передрыге, в какую попали вы. Вы ведь не хотите заболеть лихорадкой? – блеснул глазами Иннес.

Джейми провел рукой по спутанным, отчасти морем, отчасти мной, волосам и заулыбался.

– В таком случае, Иннес, я умру счастливым.

Мистер Уиллоби не оставил пеликана в покое и на следующий день. Тогда мы и узнали, зачем он так рисковал ради поимки птицы. Пеликан восседал на сундуке, где обычно хранилась парусина, и хлопал глазами, но когда я попыталась подойти ближе, он защелкал клювом. Это было единственной его защитой: крылья птицы были обмотаны тканью, поэтому напугать меня хлопаньем крыльев он не мог.

Китаец был занят леской, в конце которой извивался кальмарчик. Предлагая пищу пеликану, мистер Уиллоби сказал что-то по-китайски, но тот не хотел есть или по крайней мере не решался. Тогда китаец поднял птице верхнюю часть клюва и опустил маленького кальмара в мешок, находившийся под клювом пеликана.

Удивившись, пеликан съел предложенную пищу, на что мистер Уиллоби сказал «хао-ляо», что, судя по всему, означало одобрение.

Поскольку я наблюдала за происходящим, китаец показал, чтобы я подошла к нему, и указал на пеликана.

– Пинг Ан. Хороший птица.

Значит, пеликан уже имел имя, и мне даже показалось, что он готов на него отозваться, потому что при словах мистера Уиллоби он поднял перья на голове, образовав хохолок. Это было забавно, пусть огромный клюв и внушал опасение. Я подошла ближе.

– А для чего он вам?

– Пинг Ан охотиться для моя. Я учить, ваша смотреть.

Я стала наблюдать, как китаец будет обучать птицу. Пинг Ан с помощью мистера Уиллоби съел нескольких мелких рыбок и кальмарчиков, затем хозяин птицы обмотал шею пеликана полоской ткани, пояснив:

– Теперь не может глотать. Если его глотать – задохнуться.

Далее к этому импровизированному ошейнику был приделан линь, и пеликан был освобожден от ткани, сковывавшей его крылья. Я была предупреждена знаком, что мне нужно побегать, и отошла.

Пинг Ан потоптался по сундуку, оценивая свои возможности и удивляясь прихотям хозяина, который то связывает, то снова отпускает, развел крылья в стороны и вдруг поднялся в воздух.

Видя пеликанов преимущественно в зоопарках, мы не в состоянии оценить мощь этих птиц, но если вам придется видеть летящего пеликана, вы поразитесь, насколько он красив в своей первозданной грации. Пускай на фоне элегантных чаек и альбатросов он походит на птеродактиля, зато в воздухе он теряет свою неуклюжесть и потешность.

Пинг Ан поднялся настолько высоко, насколько мог, ограниченный линем, проверил, можно ли воспарить выше, и, когда понял, что нельзя, начал летать кругами. Китаец, цепко держа линь, наблюдал, как летает птица, хоть солнце и слепило ему глаза. Матросы, зачарованно глядя на пеликаний полет, словно на полет огромного воздушного змея, бросили всю свою работу и глядели, как птица, сложив крылья, нырнула под воду и вышла из воды, понукаемая мистером Уиллоби. Как и следовало ожидать, Пинг Ан не спешил отдавать свой улов, но был вынужден это сделать. Китаец вытащил из подклювного мешка леща. Мистер Пикар был изумлен больше всех и с благоговейным ужасом смотрел, как ловко мистер Уиллоби управляет с лещом, разрезая вдоль еще живую рыбу. Одну половинку китаец скормил пеликану, держа его за крылья.

– Это для моя, – указал он на вторую половинку, запачкавшую сундук кровью.

Через неделю Пинг Ан летал без линя, но все же с ошейником. Мистеру Уиллоби удалось приручить птицу за такой короткий срок так, что она прилетала после охоты, принося в клюве свой улов. Разумеется, часть рыбы из мокрой кучки, переливающейся на солнце и сверкавшей всеми цветами радуги, доставалась самому пеликану. В свободное от ловли рыбы время он усаживался на салинге, дразня матросов, которым приходилось оттирать палубу после него, или бегал за крохотным мистером Уиллоби, превосходя восьмифутовым размахом крыльев его в несколько раз.

Теперь команда немного изменила свое отношение к китайцу и не задевала его по пустякам. Безрассудная ловля пеликана и дальнейшее его обучение восхитили всех, а клюв желто-

глазого Пинг Ана служил надежной защитой, и мистер Уиллоби с удовольствием просиживал все погожие дни под мачтой, нанося на бумагу столбцы знаков.

Мне было интересно, что же делает китаец, когда его никто не видит, а торчать у него над головой не хотелось. Я укрылась за мачтой. Он смотрел на страницу, гордый своей работой. Ровные столбцы иероглифов выглядели очень красиво, хотя их смысл оставался мне недоступным.

Посмотрев, что вокруг никого нет, мистер Уиллоби выхватил кисточку и тщательно вывел в верхнем левом углу еще один знак. «Подпись», – догадалась я.

Глубоко вздохнув, он поднял глаза на море, но видел не океан, не дельфинов и не акул – таким мечтательным был его взгляд.

Испутив вздох еще раз, он качнул головой, отвечая самому себе на какие-то мучившие его душу вопросы, и осторожно сложил бумагу вначале вдвое, затем вчетверо и после вшестеро. Все это он проделал сидя. Дальше произошло непонятное: встав, он понес конвертик к борту и бросил его с вытянутой руки в воду.

Впрочем, в воду бумага не упала благодаря ветру, подхватившему ее и унесшему вдаль, где она стала похожей на чисто-белую чайку или крачку, одну из многих летевших за «Артемидой» в надежде поживиться обедками.

Мистер Уиллоби не видел этого – он уже спускался с палубы, по-прежнему мечтательный и по-своему счастливый.

Глава 45

История мистера Уиллоби

Когда центр Атлантического круга остался позади, а «Артемида» двигалась все дальше на юг, стало намного теплее, и матросы собирались по вечерам на полубаке, находя себе занятия по вкусу: песни, пляски (Броди Купер аккомпанировал на скрипке) или просто разговоры.

Мы шли к югу, а это значило, что владения кракена и разнообразных морских змей остались позади. После этого морские гады и чудовища интересовали команду не так горячо, поэтому байки о тварях уступили место рассказам о родных местах каждого из членов команды. Наконец все было рассказано, и обделенным вниманием остался только мистер Уиллоби. Любопытный юнга Мейтленд пожелал узнать и историю китайца, сидевшего, по обыкновению, под мачтой, и обратился к нему с такими словами:

– Как ты оказался на наших землях? Китай ведь так далеко. Говорят, что в вашей стране живет очень много людей, правда, китайские моряки попадались мне очень редко. Что, так хорошо живется, что никуда не путешествуете?

Крохотный мистер Уиллоби, в который раз ставший центром внимания всего корабля, отнекивался и неохотно соглашался поведать свою историю, но матросы проявили настойчивость. Их интерес был неподдельным, и польщенный китаец согласился, разве что попросил Джейми выполнить функции переводчика, чтобы быстро говорить по-китайски, не задумываясь, как сказать желаемое по-английски. Джейми, разумеется, был только рад помочь китайцу и уселся рядом, с готовностью ожидая начала рассказа.

– На родине я был мандарином, к тому же мастером словесности, способным сочинять собственные произведения. Моей одеждой был прекрасно вышитый халат из шелка, поверх которого надевался еще один шелковый халат, только синий – признак того, что носящий его принадлежит к ученому сословию. Этот второй халат на груди и спине носил изображение фен-хуан, птицы огня.

– Должно быть, это феникс, – высказал свое предположение Джейми и осекся, видя, что мистер Уиллоби терпеливо ждет.

– Я появился на свет в Пекине – это столица Сына Неба.

– То есть столица их императора, – прошептал мне в ухо Фергюс. – Однако же и наглые эти китайцы, если приравнивали его к Иисусу Христу!

Матросы, услышав возмущенный шепот Фергюса, зашикали на него, побуждая умолкнуть. Тот в ответ показал довольно грубый жест, но все же обратился в слух, чтобы узнать продолжение рассказа.

– Я с молодых ногтей интересовался искусством сочинительства. Следует признаться, кисточка и тушь не сразу подчинились мне, и мне пришлось приложить немало сил, чтобы танец образов, похожих на журавлей, в моем сознании излился на бумагу в виде знаков. Когда я ощутил в себе достаточно сил, я показал свои труды мандарину Ву Сену, придворному Сыну Неба. Он по достоинству оценил мою работу и дал мне кров и пищу. У меня были все условия для совершенствования, и я был признанным мастером, носившим красный коралловый шар на шапке с двадцати пяти лет. О, это была высокая честь! – прикрыл глаза китаец, предавшись воспоминаниям. – Но злой ветер принес в мой сад семена злосчастия. Я приписываю это вражескому проклятию. Возможно, я был слишком высокомерен и утопал в гордыни, поэтому пропустил время жертвоприношения, но я чтил своих достойных предков и каждый год посещал фамильную гробницу. Мною были зажжены все свечи в зале предков...

– Думаю, сочинения китайца такие же пространные, как и этот рассказ. Тогда ничего удивительного, если он заявит, что китайский царь приказал бросить его в реку, – я бы поступил точно так же, если бы услышал такую нуднатицу, – заворчал француз.

– Мои стихотворения увидела госпожа Ван Мей, вторая жена императора, мать четырех сыновей императора. Ее просьбу зачислить меня в штат придворных удовлетворили. Так я попал ко двору.

– Так это же здорово! – выпалил Гордон и подался вперед. – Не каждому доводится быть представленным ко двору.

Китаец догадался, о чем его спрашивают, и согласно кивнул:

– Да, это была огромная честь, шанс, который боги дают человеку один раз. Отныне я должен был жить при дворе, путешествовать по улицам в паланкине, сопровождаемый стражей. Слуги обязаны были нести тройной зонт, говоривший о величии моего сана, и, быть может, я получил бы когда-нибудь павлинье перо на шапку. Книга заслуг должна была содержать мое имя, внесенное туда золотыми письменами.

Мистер Уиллоби потрогал свою голову, уже зараставшую волосами в бритой ее части и похожую теперь на теннисный мячик.

– Но я должен был выполнить одно условие – стать евнухом, как все слуги императора.

Общий вздох служил лучшим подтверждением солидарности с китайцем. Люди на миг умолкли, а потом загалдели наперебой. Было ясно, что матросы высказывают свое мнение насчет придворных традиций, но «Чертовы язычники!» и «Желтомордые ублюдки!» были самыми мягкими выражениями, которые я могла расслышать в общем гомоне.

– А как становятся евнухами? Что для этого нужно сделать? – невинно поинтересовалась Марсали.

– *Chérie*, поверь, тебе это не нужно знать, – обняв девушку, поспешил сказать Фергюс. – Ты покинул дворец, *mon ami*? – В голосе француза слышалось сочувствие. – Я сделал бы то же самое.

Моряки дружно поддержали это решение гомоном десятков голосов. Итак, общественное мнение всецело было на стороне мистера Уиллоби, и, ободренный, он продолжил повествование:

– Отказаться от дара, предложенного императором, – бесчестный поступок, карающийся смертью, но я не мог поступить иначе, пребывая во власти любви к женщине. Да, я слаб духом!

Слушатели снова заохали, понимая, о чем идет речь. Китаец же потянул переводчика за рукав и уточнил что-то.

– Да, прости, – поправился Джейми и провозгласил: – Я сказал «к женщине», но это не так: надо понимать под этим женщин вообще, всех. Так? – обратился толмач к китайцу.

Тот кивнул маленькой круглой головой, на которой читалась тоска по родине, по ушедшим временам и готовность защищать свой выбор.

– Именно так. Женщины были самыми прекрасными созданиями, каких я когда-либо видел. Они очень красивы, подобно лотосу, грациозны, утонченны, как молочай на ветру. Существуют мириады звуков, присущие только им, и они всегда разные – щебет ли рисовки, соловьиные трели, воронье ли карканье, – здесь мистер Уиллоби ухмыльнулся и сузил глаза, отчего они сделались щелочками, а моряки засмеялись, живо представив каркающих переругивающихся женщин, – и всегда женщина прекрасна и желанна. Я всегда писал только о них, о девочках, девушках и женщинах, и довольно редко о конкретной госпоже. Они прекрасны: их груди пахнут абрикосами и подобны абрикосам на вкус, особенно когда их обладательница просыпается на рассвете, их лобок нежен и наполняет руку подобно спелому персику.

Эти слова были встречены немим восхищением, сменившимся разнообразными возгласами, а пораженный Фергюс зажал руками уши Марсали.

– Еще бы его не позвали ко двору! – оценил мастерство китайца Риберн. – Язычники, и слог языческий, но все равно здорово.

– Точно по праву носил помпон на шапке, – отозвался Мейтленд.

– Может, стоит выучиться китайскому, а? – подал идею помощник шкипера. – А стихи у тебя с собой, малый?

Джейми замахал руками, давая знак молчать, но в задних рядах все равно галдели: палуба была полна моряков, образовавших круг, центром которого являлась мачта с сидевшим под ней мандарином.

– Была ночь фонарей, очень большой праздник, – заговорил опять мистер Уиллоби. – В это время все люди выходят на улицу, и мне было сподручно бежать. Торжества начинаются в сумерки, и тогда я надел страннические одежды.

– В качестве траура китайцы носят белые одеяния, а не черные, как мы. – Джейми счел необходимым дать пояснения к рассказу. – Тогда они совершают паломничество к гробницам предков.

– В руках я держал анонимный фонарь, то есть такой, на котором не указаны ни имя, ни адрес. Никто не мог меня видеть – я проскользнул сквозь толпу праздновавших. Было очень красиво: слуги во дворце били в гонги, караульные – в барабаны из бамбука, над дворцом запустили многочисленные фейерверки.

Маленький мандарин погрузился.

– Каждый поэт хотел бы попрощаться с родиной так, как это сделал я, – бежать в праздник, когда все веселы и нет места унынию. Таким я и запомнил Китай. Уже в воротах, охраняемых стражниками, я обернулся и увидел будто бы запретный сад, куда мне не было более доступа. Крыши дворцовых зданий сияли пурпуром и золотом и издали напоминали прекрасные цветы...

Праздничная ночь была благосклонна к беглецу, но день принес невзгоды.

– Я запомнил, что у меня длинные ногти, – внезапно сказал китаец. – Все мандарины должны носить длинные ногти как показатель того, что физический труд не для них.

По этому знаку его, конечно, узнали уже в доме, где он попросил приюта на время. Слуга донес начальнику стражи, а тот отправил погоню вслед за И Тьен Чо. Чудом попавшаяся канава, поросшая кустарником, сохранила жизнь китайцу.

– Там я и расстался со своими ногтями. – В это трудно было поверить, но ногти мистера Уиллоби, бывшие когда-то длиной в фалангу пальца, сейчас были обрезаны под корень. – Так было нужно, потому что я не мог избавиться от золотых да-ци иначе: они были вделаны в ногти.

Ему повезло: неподалеку крестьянин сушил одежду, и китаец украл ее, чтобы поменять платье, оставив непригодные в хозяйстве ногти, расписанные иероглифами. Он шел к морю, покупая еду, пока была такая возможность, но деньги не успели даже кончиться: его ограбили разбойники, правда, оставив его в живых.

– Мне, мандарину, привыкшему есть из золотой посуды, приходилось воровать еду или голодать, когда не удавалось ничего украсть. Ветер удачи все-таки настиг меня, и мне повезло найти торговцев снадобьями. Они шли на ярмарку, и мы договорились: они кормили меня и давали возможность переночевать, а взамен я придумывал красивые надписи для ярлыков на пузырьках и баночках и писал зазывающие слова на их флагах и вывесках.

Таким образом добравшись до моря, мистер Уиллоби проник в порт, где хотел наняться на какой-нибудь корабль, но его воспитание подвело его, поскольку чтобы вязать морские узлы и крепить снасти, нужно иметь пальцы, привычные к грубой работе, а китаец, конечно же, не знал ничего, кроме кисточки и туши. Его целью было удалиться от берегов Китая как можно дальше, для чего следовало попасть на корабль, уходивший на запад. Самым «варварским» был корабль «Серафина», имевший портом приписки Эдинбург. На него-то и пробрался мистер Уиллоби, спрятавшись в трюме.

– То есть ты хотел оставить родные края навсегда? Это требует большой смелости, – заметил Фергюс.

– Император не хочет отпустить мою. Моя бежать или умирать, – отрезал китаец по-английски.

Моряки завздохали, представив такую беспощадную власть, и умолкли. Наконец воцарилась тишина, которую нарушали только скрип снастей и звуки ночного океана. Мистер Уиллоби смог спокойно допить грог из кружки, стоявшей между его ног. Затем он тронул Джейми за плечо, показывая, что хочет снова говорить.

– Интересно, но вторая жена любила мои стихи, где я описывал чувственную любовь к женщине. Выходит, она желала иметь меня и мои творения, но не понимала того, что требует уничтожить то, что ей так нравится.

По адресу второй жены императора был отпущен ядовитый смешок.

– Я живу в противоречиях: желая сберечь мужское начало, я потерял все то, что имел прежде – честь, средства, родину. Моя родина – это не просто горные склоны Монголии, где растут голубые ели, и не просто южные равнины, и не только реки, полные рыбы. Моя родина – это я сам и мои предки. А сейчас мои родители обесчещены, а на могилы предков никто не приходит! Некому воскурить фимиам перед ними, и некому зажечь свечи. Нет более ни красоты, ни гармонии. Золотые знаки моих стихов ваши невежественные соотечественники принимают за куриное кудактанье, а я... Кто здесь я? Нищий или шут из балагана стоят выше меня. Но я не умею и не могу позволить, чтобы из моего рта вынимали змей или лягушек, бросая мне жалкие гроши для продолжения жалкой жизни.

Узкие глаза китайца были похожи на пылающие угольки.

– В вашей стране женщины грубы и волосаты! Да, они грубы, невежественны и волосаты! – Перевод Джейми струился ровно, но мистер Уиллоби негодовал. – Никто из них не знает церемоний, ни одна из них не может сравниться изяществом с самой невежественной китайкой, более того – от них дурно пахнет и они поросли волосами, будто собаки! Но они все равно ругают меня и готовы бросить в меня камень! «Ты – желтый червяк», – говорят они, и ни одна шлюха не хочет спать со мной!

Китаец снова перешел на английский, горько заметив:

– Моя любить женщины, но ваши женщины не стоят любовь!

Возможно, он бы продолжил свой рассказ, но Джейми заметил, как моряки угрожающе насупились, готовые постоять за честь западных женщин, и перестал переводить.

– Мы понимаем тебя, приятель. Я уверен в том, что здесь не найдется мужчины, который бы не бежал в таких условиях, в какие поставили тебя, верно я говорю? – Вскинув брови, Джейми дал понять команде, чтобы она поддержала его слова.

Моряки согласились, да только нерадостно: последнее замечание китайца обозлило их и свело на нет доброе отношение, установившееся после его рассказа. Мистер Уиллоби был назван неблагодарным язычником, не отдающим себе отчета в том, где он находится, а мы с Марсали были вознесены на недостижимую высоту как представительницы западных женщин, не оцененных переборчивым китайцем.

Когда команда разошлась, ушел и Фергюс, уводя с собой Марсали, предварительно признавшись китайцу, что, если тот будет продолжать в том же духе, быть ему удавленным своей же косой.

Мистер Уиллоби не обратил внимания на адресованную ему угрозу. Стоя под мачтой, он глядел перед собой, блестя глазами и вспоминая свою родину. Джейми предложил мне отправиться спать и подал руку; я согласилась.

Мы уже уходили, когда заметили, что китаец протянул руку к паху и взвесил на руке свои яички, ничуть не возбудившись при этом. Шелк очертил их округлость, и мистер Уиллоби сосредоточенно начал перекачивать их в ладони, задумчиво заметив:

– Есть времена, когда моя думать, что они не стоят родины.

Глава 46

Встреча с «Дельфином»

У меня сложилось впечатление, что Марсали планирует поговорить со мной, но не делает этого из-за ложного стыда или попросту боится это сделать, однако же, кроме меня, на «Артемиде» больше не было женщин, значит, ей пришлось бы обратиться ко мне, так или иначе. Я терпеливо ждала, когда она сделает первый шаг, не желая навязываться молодой девушке, и тепло приветствовала ее по утрам.

Прошел месяц после того, как мы покинули Шотландию, и вот, посреди Атлантического океана, Марсали явилась в мою каюту. Я как раз записывала в свой журнал известие об операции, которую мне пришлось произвести: матросу понадобилось удалить два пальца, которые он расплющил при работе. Марсали, вскинув голову и с вызовом глядя на меня, возникла в дверях:

– Я хочу узнать кое-что, а больше не к кому обратиться. Кабы была возможность узнать у кого другого, я бы так и поступила, потому что вы мне не нравитесь и мой приход вынужденный. Думаю, что вы видите мое отношение к вам, но папа считает вас ведуньей, значит, вы должны знать о таком. Так что если вы и шлюха, навряд ли станете завирать.

Я могла отшить с порога наглую девицу и отбить у нее всякую охоту обращаться ко мне впредь по каким бы то ни было вопросам, но не стала этого делать: было ясно, что поговорить придется и кому как не мне объяснить ей то, что она хочет знать.

– Положим, что это так. – Я отложила перо, давая понять, что готова к разговору. – Но что бы ты хотела узнать у меня?

Марсали убедилась, что я внимательно слушаю ее или хотя бы готова выслушать, и плюхнулась на табурет – других мест в крохотной каюте не было.

– Я хочу знать про маленьких. Что с ними делать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.